

русский авантюрный роман

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

Копье Милосердия

Виталий Дмитриевич Гладкий
Копье Милосердия
Серия «Русский авантюрный роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104374
Копье милосердия / Виталий Гладкий: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7923-0

Аннотация

Известному «черному археологу» Глебу Тихомирову поступает предложение, от которого трудно отказаться: заняться поисками подлинного Копья Милосердия – одной из главных реликвий христианства. Многие сильные мира сего пытались заполучить его в свои руки, потому что древнее пророчество гласит: «Владеющий этим Копьем и понимающий, каким силам оно служит, держит судьбу мира в своих руках – добрых или злых». Тихомиров берется за дело, но чем больше погружается в историю Копья и его розысков, тем больше убеждается, что ввязался в самую настоящую авантюру с непредсказуемыми последствиями...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	29
Глава 2	39
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виталий Гладкий

Копье милосердия

Пролог

В Нуристан, высокогорный район Гиндукуша, пришла весна. Белые шапки на неприступных вершинах гор заискрились под ярким солнцем, засверкали бриллиантовой пылью; ранним утром и на закате их первозданная снежная белизна окрашивалась во все цвета радуги – от малинового до голубого и бледно-фиолетового. В долинах и у подножий гор все цвело и благоухало. Неземную, райскую благодать и тишину Гиндукуша нарушал лишь неумолчный рокот многочисленных ручьев и горных рек, переполненных водами из тающих ледников, да пение птиц.

Близилась новая эра, но в жизненном укладе небольшого племени брауи не было заметно даже намек на какие-либо изменения. Брауи были потомками дравидов*. В далекие времена дравиды входили в состав древнего доарийского населения Индии. В свою очередь, дравидские народы сами были пришельцами в Индии.

Откуда они появились, никто не знал. Дравиды жили по соседству с шумерами и их города напоминали города шумеров: узкие улочки среди глухих стен, а за стенами – небольшие внутренние дворики с водоемом в центре в окружении кирпичных строений. Приморские города торговали с городами шумеров, и большие, вязанные из тростника корабли плыли вдоль пустынных берегов Персидского залива с грузом из меди, тканей и слоновой кости. Дравиды научились выращивать рис и ткать ткани из хлопка, имели свою письменность, но их иероглифы так и остались нерасшифрованными, и никто не знает об их преданиях, о том, кто жил в огромных дворцах и кому они поклонялись в храмах.

Когда арийские племена, сокрушая все на своем пути, ворвались в Северную Индию, цивилизация дравидов погибла. Жителей сопротивлявшихся городов принесли в жертву арийским богам, многих пленных обратили в рабов, а остальные дравиды превратились в зависимых «шудр»*.¹ Подобно римским плебейам и греческим периэкам, шудры жили в своих деревнях и платили господам дань.

Но несколько племен дравидов, в том числе и предки брауи, не покорились завоевателям и бежали в неприступные горные массивы Гиндукуша. Их примеру последовало и племя калашей*, которое жило по соседству. Но откуда калашаи пришли, не знали ни они сами, ни маги*. Они совсем не имели сходства с темноволосыми и смуглыми брауи. У них была белая кожа и светло-русые волосы, а глаза голубые, серые и зеленые.

Поселение брауи раскинулось на обширном горном плато, ровном как стол. Неискушенный наблюдатель, поднявшись на одну из скал, местами вплотную подступавших к поселению, очень удивился бы его планировке. Прямые улицы расчертили поселение (или деревню) на квадраты, образующие кварталы. Дома брауи сооружали в основном одноэтажные, с плоскими крышами, но ближе к центральной площади, служившей местом собраний, встречались и двухэтажные строения. В них жили старейшины и жрецы племени.

Улицы своего поселения брауи вымостили плоскими плитами известняка, а на одной из обочин был вырыт желоб, обложенный диким камнем и прикрытый сверху все теми же известняковыми плитами, но уже изготовленными в одинаковый размер. В желобе постоянно текла вода, отведенная из соседнего горного потока, – для хозяйственных нужд. Этой водой жители поселения поили коз, овец и ослов, которых содержали в общем загоне в неко-

¹ Слова, помеченные звездочкой, см. в конце книги.

тором отдалении от жилищ, использовали ее для стирки, а также смывали нечистоты в туалетах. Дальше, до самых скал, тянулись хлебные поля и огороды. Их тоже поливали водой с гор, но уже брали ее из запруды, где она хорошо прогревалась.

Дома в кварталах образовывали дворики, посреди которых был устроен водоем, где в теплое время года обычно купались дети. Взрослые мужчины совершали омовения возле водопада, а женщины – в запруде. В холодное время года брауи мылись в корытах, выдолбленных из древесных стволов. Но для питья и приготовления пищи воду брали в чистейшем горном источнике, откуда ее носили в специальных кувшинах – кадах. На доньшке када находилась сферическая выемка, чтобы кувшин удобнее располагался на голове.

Ранним весенним утром два брата-близнеца Рахул и Абхай, как обычно, отправились к горному ручью по воду. Конечно, им хотелось поспать подольше, но старшая амма* Нилима, которая начала хлопотать возле тандури* едва забрезжил рассвет, была неумолима. Она стащила мальчиков с постели, всучила каждому по небольшому каду и вытолкала за порог.

Сонное состояние прошло быстро. Утренняя прохлада заползала за шиворот, и мальчики, чтобы согреться, сначала перешли на быстрый шаг, а затем и вовсе припустили так, что только пятки засверкали. Днем уже было тепло, а к полудню становилось даже жарко, но в горах ночи обычно холодные, иногда даже с заморозками. И тем не менее в Нуристане уже всю хозяйничал месяц вайшакха*.

Наполнив кады, мальчики не спешили обратно. В этот ранний час никого, кроме них, у ручья не было, и они затеяли игру, похожую на салки, только водящий должен был не осалить партнера, а обрызгать его водой. Ручей падал с высокой скалы и внизу разливался в небольшое мелководное озерко, сплошь усеянное камнями разных размеров. Один из мальчиков прыгал по камням как серна, а второй пытался догнать брата и выплеснуть на него пригоршню воды.

Неожиданно в какой-то момент Абхай резко остановился посреди озерка и начал прислушиваться. Рахул догнал его, но обрызгать не успел. Раздался страшный рев, от которого мальчики почти оглохли, затем совсем близко от них пронесся огненный шар с длинным пылающим хвостом и упал в глубокое ущелье. Когда огненный посланец небес достиг дна, земля содрогнулась, сильный вихрь стал ломать деревья и со скал сначала посыпались мелкие камешки, а затем начался сильный камнепад.

– Бежим! – вскричал Абхай, и перепуганные до смерти юные водоносы, оставив кады у ручья, помчались по хорошо протоптанной широкой тропинке к поселению.

Мальчикам казалось, что огненный дракон, о котором им не раз рассказывала старшая амма, вот-вот выкарабкается из ущелья и сожрет их. Они ни на миг не усомнились в том, что видели дракона; а кто еще может издавать такие ужасающе громкие звуки, кто может плевать огнем и рушить скалы?

Об этом они и рассказали своему аббе* Капиле, когда вбежали в дом. Капила не был старейшиной, но в поселении пользовался большим уважением и даже почитанием, потому что в совершенстве владел кузнечным ремеслом. Его изделия ценились настолько высоко, что к Капиле приходили заказчики из самых отдаленных мест Нуристана. Даже высокородные индийские раджи не гнушались заказывать ему сабли и копыя, потому что оружие Капилы обладало большой прочностью, износостойкостью и пробивало любые панцири.

Наверное, многие удивились бы, скажи им Капила, КТО подсказал ему, как нужно обработать металл, чтобы клинки долго не тупились и чтобы ими можно было с одного удара разрубить пополам даже толстый железный брус. Это был маг-отшельник, который жил высоко в горах. Звали его Вифисарий. Он очень редко появлялся в поселении, но брауи раз в неделю собирали для него подношение, и кто-нибудь из мальчиков-подростков доставлял ему узелок с харчами по крутой узкой тропе, пробитой дикими козами.

Вифисарий не был бесполезным нахлебником, отнюдь. Это он научил брауи, как правильно ухаживать за полями и огородами, чтобы в условиях высокогорья они давали обильный урожай. Отшельник подсказывал время сева и сбора пшеницы, проса, ячменя, гороха, фасоли, советовал, как правильно хранить их и спасать от мышей и насекомых, с какой периодичностью поливать огороды и как доставить воду на поля. Он нашел в горах слюду и теперь брауи закрывали окна не бычьими пузырями, а прозрачными слюдяными пластинами. Это Вифисарий предложил охотникам племени несколько эффективных конструкций звериных ловушек, и брауи не приходилось долго бить ноги в лазании по скалам, чтобы добыть дичь.

Именно Вифисарий указал брауи на выходы солонцов, и с тех пор вареная пища стала гораздо вкусней, чем раньше, когда хозяйки часто варили похлебки без соли, потому что она была на вес золота и ее привозили из далеких краев. А еще Вифисарий отыскивал месторождения железа и серебра, и брауи стали торговать металлом и солью с соседними племенами, что облегчило им жизнь и принесло в семьи достаток.

Услышав от своих сыновей такую сногсшибательную новость, Капила не стал долго размышлять. Он поверил им сразу, без сомнений и колебаний, – ложь в племени брауи (как и воровство) считалась одним из главных пороков и пресекалась очень жестоко.

– Оставайтесь дома, – приказал кузнец сыновьям. – Никуда не выходите! Это чтобы вы никому не рассказали то, о чем поведали мне. Я отправляюсь к мудрейшему из мудрых. Только он в состоянии изречь истину.

– Абба, мы боимся! – в один голос воскликнули мальчики. – Если дракон выберется из ущелья, он съест нас!

– Не вылезет, – твердо ответил отец. – Я точно знаю.

С этими словами он взял небольшой горшок с целебным весенним медом, несколько свежее испеченных лепешек, натянул на ноги мягкие полусапожки, в которых можно было уверенно ходить по козьей тропе без опасений сорваться в пропасть, и направился к жилищу отшельника. Кузнец уже понял, какого «дракона» видели дети. Вифисарий недавно рассказывал ему о том, что скоро в горах Гиндукуша упадет обломок звезды. И описал, как это будет происходить.

Но почему маг рассказал это именно ему, а не жрецам или старейшинам? Никто из них не знал, что рядом с поселением упадет звезда. Мало того, Вифисарий попросил Капила держать язык за зубами. А ведь он всего лишь кузнец, даже не юный служака жрецов...

Занятый такими мыслями, Капила забрался почти на вершину горы, где на крохотном пятачке маг построил себе небольшой уютный дом. Это был именно дом, а не примитивная хижина, которые сооружают охотники или те же самые отшельники. Они являлись представителями разных племен, но их объединял общий интерес к отрешенному созерцанию мира, погрязшего в грехах.

Вифисарий был не только отшельником, но и магом. И он ни в коей мере не походил на грязных оборванцев, коими выглядели почти все отшельники. Их одеждой было рубище, в отличие от Вифисария, который любил одеваться в китайские шелка и предпочитал заточению в какой-нибудь горной пещере комфорт отменного оборудованного жилища. Однако он не относился к племени праздных сибаритов.

С виду Вифисарий казался зрелым мужчиной в расцвете лет, но на самом деле он был глубоким стариком. Это уж Капила знал точно, потому что маг принимал роды у его матери Нилимы. И тогда уже Вифисарию было много лет. Сколько? – никто не мог их сосчитать. Казалось, что он живет вечно. Долголетие среди брауи не было чем-то из ряда вон выходящим, и тем не менее Вифисарий перещеголял в этом плане всех патриархов.

Роды были очень тяжелыми, и Вифисарий спас жизнь не только Нилиме, но и ее сыну, будущему кузнецу. Он же и дал ему имя Капила, которое для племени брауи было необыч-

ным. Однако никто не посмел перечить магу, хотя главный жрец и высказывал поначалу недовольство в кругу собратьев по ремеслу.

Только спустя годы Вифисарий открыл Капила тайну его имени.

«— ... Гордись, — сказал он, — тебя зовут так, как одного из величайших мыслителей древности.

— А почему меня так называли?

— Потому, что имя человеку дается не просто так. Оно несет большую информацию для тех, кто в этом вопросе разбирается. Жрецы узнают имя младенца с помощью гадания. Между прочим, когда ты родился, они долго решали, как тебя назвать, но так ничего и не придумали. А все потому, что гадальные кости падали странным образом. И только я смог понять, почему так. На помощь мне пришли звезды. Запомни, Капила: ты оставишь в мировой истории неизгладимый след. Это верно, как то, что Земля не плоская, а шарообразная. Да-да, мой мальчик, она похожа на огромный шар и плывет среди звезд словно корабль. И нет никаких слонов, которые стоят на черепахе и держат на себе весь наш плоский мир. Только пообещай мне, что никому не расскажешь — особенно жрецам! — о том, что сейчас узнал.

— Обещаю... Значит, я стану знаменитым?

Маг рассмеялся и ответил:

— Увы, скорее всего, нет. И тем не менее твои заслуги будут достойно оценены. Но не людьми, а богами.

— И все-таки, что я должен сделать для этого?

— Даже мне сие неведомо. Пока неведомо...

Дом мага был двухэтажным, но крышу имел не плоскую, а в виде купола. К входной двери вели ступени, а само крыльцо напоминало портик с четырьмя колоннами. Дом имел много окон, в отличие от жилищ брауи. Но в оконные переплеты Вифисарий вставил не слюду, а хорошо полированные пластины прозрачного горного хрусталя. Он был очень дорогим и не водился в землях брауи. Можно только догадываться, откуда и как хрусталь попал в дом Вифисария.

Весь в сомнениях и тревожных предчувствиях, Капила поднялся на высокое крыльцо и несколько раз дернул за бронзовую цепочку с литой фигуркой обезьяны на конце. Внутри дома раздался мелодичный перезвон. Кузнец знал, что Вифисарий не любит, когда его тревожат с утра. Дело в том, что маг просиживал ночи напролет на крыше дома и наблюдал через большую трубу за звездами. А затем почивал до обеда. Но больно уж дело было безотлагательным.

На удивление, Вифисарий не заставил себя долго ждать. Создавалось впечатление, что спать он и не ложился, хотя белки его глаз покраснели, что бывает тогда, когда человек сильно напрягает зрение. В отличие от мужчин брауи, которые носили рубахи и шаровары, маг был облачен в одежду из тонкой белой шерсти (все-таки еще не лето), которая напоминала одежду брамина. Так думал Капила. На самом деле Вифисарий облачился в подобие римской тоги. На ногах у него были сандалии из мягкой кожи горного козла.

Увидев кузнеца, маг совершенно не удивился.

— Входи, — сказал он приветливо безо всякого предисловия, и Капила оказался в просторном светлом холле с деревянным полом.

Пол был набран из досочек ценных пород деревьев, тщательно отполирован и покрыт воском. Немного смущенный кузнец прошел по нему едва не на цыпочках, чтобы не поцарапать подошвами своих сапог такую красоту.

Приняв подношение, маг молвил, указывая на широкую скамью, застеленную пестрым ковриком:

— Присаживайся. Что тебя привело ко мне в столь ранний час?

— Мудрый, твое предсказание сбылось!

– Ты о чем? – удивился маг.

Капила рассказал ему о том, что видели дети. Невозмутимость вмиг слетела с мага. Наверное, будь он белокожим, лицо его покрыл бы румянец, спутник большого волнения.

Внешний облик Вифисария несколько отличался от внешности мужчин племени брауи. Собственно говоря, маг и не причислял себя к соплеменникам Капила. Он был на голову выше самого рослого из брауи, а его широким плечам мог позавидовать любой силач. Потомки дравидов имели темную кожу, но Вифисарий был еще смуглее, хотя и не принадлежал к племени эфиопов, на что указывали правильные черты его удлиненного лица с тяжелым квадратным подбородком, ровный «греческий» нос и черные прямые волосы, уже изрядно тронутые сединой.

– Я ждал... всю ночь ждал эту комету! – с жаром воскликнул маг. – По моим расчетам, она должна была упасть на Землю сразу после полуночи где-то поблизости. Но этого не произошло. Сильно разочарованный, я оставил свою обсерваторию на крыше дома еще до рассвета. Я думал, что ошибся и небесный посланник упал где-нибудь в другом месте. Идем, немедленно идем к месту падения! Только подожди меня немного, я переоденусь...

На этот раз Вифисарий облачился в одежду брауи: просторные шаровары, короткопояс шерстяной кафтан и широкий пояс, представляющий собой длинный кусок материи, обернутый несколько раз вокруг туловища. На ногах мага были такие же сапожки, как у Капила. В руках он держал бухту тонкой, но прочной веревки и небольшую кирку, которую охотники использовали во время лазания по горам.

К месту падения звезды добрались быстро. И причиной тому был маг. Он не шел по горной тропе, а почти бежал, хотя это и очень опасно; уже отвыкший от лазания по горам Капила едва за ним поспевал.

Из ущелья все еще поднимался легкий дым. Наверное, это догорали деревья, подожженные посланником небес. Вифисарий быстро нашел место, удобное для спуска, привязал к толстому дереву страховочную веревку, и они начали спускаться вниз по крутому, а местами обрывистому склону. Спустя какое-то время маг и кузнец уже брели по мелководному ручью, дно которого устилала мелкая каменная крошка и валуны.

Не заметить место падения было сложно. Остатки кометы ударились о скалы, выбив в них глубокую воронку. Попутно ее хвост поджег кустарник на дне ущелья, и теперь в зеленом ковре, покрывавшем его склоны, чернела обширная проплешина, укрытая пеплом, под которым кое-где все еще посверкивали тлевшие угольки.

Маг и Капила не боялись обжечь ноги. Он подошли к воронке по ручью. Кузнец не поверил своим глазам: в воде лежал черный камень размером с человеческую голову! Капила сразу понял, что это дар небес. Судя по реакции Вифисария, маг был такого же мнения. Холодная вода уже успела остудить камень, но легкий пар все еще поднимался над ним к ясному небу.

Вифисарий безбоязненно подошел к камню и ударил по нему несколько раз киркой. Капила, который дрожал неизвестно от чего, – то ли от перевозбуждения, то ли от страха – предусмотрительно держался за спиной мага; мало ли что может произойти...

– Все верно, – сказал Вифисарий; его голос немного подрагивал. – К нам прилетело именно то, что нужно.

– Мудрый, объясни мне, что это? – с удивлением спросил кузнец.

Ему показалось, что в тех местах, куда попадало острие кирки, заблестел металл.

– Железо, – с удовлетворением ответил Вифисарий. – Небесный металл. Подарок богов. Что ж, Капила, пришло твое время... – Лицо мага неожиданно стало отрешенным и грустным; но только на миг.

Деловито осмотрев камень, он без особых усилий сдвинул его с места и выкатил на берег ручья.

– Нужно поднять его наверх, – сказал маг.

Он снял с себя кафтан, завернул в него камень и, бросив узел за спину как мешок с горохом, пошел к тому месту, где они спускались в ущелье. Капила заикнулся насчет своей помощи в переноске, но Вифисарий лишь небрежно отмахнулся от него. «Если это и впрямь железо, – подумал немного уязвленный кузнец, – то камень должен быть изрядного веса». И тем не менее престарелый маг шагал споро и легко, будто и не лежала на плечах большая тяжесть.

В кузницу небесный камень привезли на осле. На этом настоял Капила. Кузнец не мог допустить, чтобы маг, как обычный простолюдин, показался на глаза племени с узлом на спине, а он в это время шел бы рядом с ним. Сам кузнец не смог пронести камень и полсотни шагов, хотя природа не обидела его ни силой, ни выносливостью.

– Готовься к работе, – сказал маг, когда камень положили в горн. – А я пока схожу домой и кое-что принесу. Без меня не начинай! Подготовь три полосы шириной с ладонь.

– Что будем ковать? – деловито спросил Капила, надевая кожаный фартук.

Кузнец не удивился словам Вифисария. Маг иногда присутствовал при выплавке металла и при ковке. Он добавлял в шихту какие-то порошки и после этого металл не брала ржавчина. Но изделия из такого металла кузнец ковал только по заказам самого мага. Однако главным секретом оружия Капила была закалка. Этому процессу кузнеца научил все тот же маг.

– Наконечник копья, – коротко ответил Вифисарий и удалился.

Капила удивился, – эка невидаль, наконечник копья; что ж тут сложного? – но долго размышлять над словами мага было недосуг. Кузнец позвал своего помощника, старшего сына, и вскоре поселение наполнилось звоном молотов о наковальню. Когда маг возвратился, на каменной подставке уже остывали три полосы звездного металла – заготовка для наконечника копья.

– Не металл, а воск, – радостно сообщил кузнец. – Работать с ним – одно удовольствие.

– Оставь нас, – приказал маг сыну кузнеца, который при появлении Вифисария застыл в поклоне, не осмеливаясь поднять на него глаза.

В отличие от своего отца, он терялся в присутствии мага (впрочем, как и большинство жителей поселения; за исключением старейшин и жрецов, которые втайне считали Вифисария полубогом).

Парень поторопился уйти. Оставшись вдвоем с кузнецом, маг развернул перед ним кусок пергамента, на котором он в мельчайших подробностях изобразил наконечник копья, больше похожий на кинжал. Капила невольно почесал в затылке – такое изделие он видел впервые. Это был наконечник римского копья под названием «лонхе»*. Но кузнец не имел понятия, чем были вооружены римские легионеры, поэтому «лонхе» для него оказалось в диковинку.

– Сможешь? – строго спросил маг. – Только пропорции нужно выдержать в точности!

– Смогу! – уверенно ответил Капила и обиженно нахмурился – маг усомнился в его таланте!

Вифисарий посмотрел на кузнеца и улыбнулся.

– Я и не сомневаюсь в этом, – сказал он мягко. – Просто будь внимателен к деталям. А я стану твоим подмастерьем.

С этими словами маг взял щипцами поковку, сунул ее в горн и начал работать рычагом мехов.

Как-то так получилось, что главную партию в ковке вел маг. Сначала они сложили три раскаленные почти добела полосы вместе и сварили их мощными ударами тяжелых молотов. Затем полученную пластину разрубили зубилом на три полосы и опять сварили. И такой процесс продолжался до самого вечера. Кузнец знал, что сработанные таким трудоемким

образом мечи обладают превосходными качествами. Они были очень дороги и Капила ковал их только по заказам военачальников высокого ранга.

Но чтобы так долго трудиться над наконечником копья... По мнению Капила, это было лишним. Тем не менее он работал и помалкивал – маг почему-то был мрачным и не поддерживал, как обычно, разговор.

Сварка полос продолжилась и на следующий день. Кузнец уже сбился со счета, сколько тончайших пластинчатых слоев содержала в себе поковка. Но маг лишь загадочно улыбался, ловя на себе недоуменные взгляды кузнеца, и продолжал махать молотом. Казалось, что он не знал усталости.

Только на третий день Вифисарий уступил место руководителю процессаковки мастеру. Теперь Капила держал в руках маленький молоток, а маг работал молотом больших размеров. Процессковки пера – самой важной части наконечника – не занял много времени. Капила был настоящим виртуозом своего дела. Его молоток порхал как птичка, и наковальня под ним не просто звенела, а пела.

Ковку закончили к обеду. Наступил не менее сложный момент в изготовлении наконечника копья – закалка. Обычно кузнец калил дорогое оружие в медвежьем или барсучьем жире, а простое – в ослиной моче. Так посоветовал ему в свое время сам Вифисарий. Но на этот раз процесс закалики оказался совсем иным.

Сначала наконечник копья – перо – обмазали огнеупорной глиной. Незакрытой осталась лишь узкая кромка лезвия. После нагрева в горне перо сунули в расплав желтой соли, доселе невиданной кузнецом. Ее принес маг. Потом перо покрывали глиной еще несколько раз, оставляя кромку все шире и шире, и подвергали закалке. Затем пришел черед втулке наконечника. Ее закалили, как обычно – в медвежьем жиру.

Но самое главное началось ближе к вечеру. Вифисарий потребовал привести белого ягненка. Когда Капила исполнил его приказание, маг нагрел перо наконечника до нужного цвета и недрогнувшей рукой всадил его в бедное животное. При этом Вифисарий произносил какие-то заклинания или молитву на неизвестном кузнецу языке. Когда лезвие остыло, маг положил наконечник копья на наковальню и сказал усталым голосом, смахивая ладонью пот со лба:

– Все... Осталось лишь отполировать. Это сделаешь без меня. К завтрашнему дню наконечник должен быть готов.

Полировкой оружия обычно занимался старший сын кузнеца, которому иногда помогали близнецы Абхай и Рахул. Но на этот раз этим делом занялся сам Капила. Он уже понял, что копье будет совсем не простым; скорее всего оно предназначено для каких-то магических целей, а значит, его отделка должна быть идеальной. Поэтому кузнец не мог доверить окончательную обработку наконечника даже своему ближайшему помощнику, который обещался стать мастером не худшим, чем отец.

Утром следующего дня Вифисарий явился в кузницу в походном облачении и при оружии. В руках маг держал клетку с большим говорящим попугаем; пестрая птица была его любимицей.

– Я отправляюсь в длительное путешествие, – заявил он кузнецу. – Присмотри за моим домом и за попугаем.

– Будет исполнено, мудрый, – сказал Капила и поклонился.

Он не удивился и не обеспокоился. Маг-отшельник иногда покидал свое жилище и каждый раз привозил из своих дальних поездок какую-нибудь металлическую диковинку, которая потом служила Капиле образцом для нового изделия.

– Где наконечник? – нетерпеливо спросил Вифисарий.

– Вот... – Капила бережно развернул кусок тонкого сафьяна, и голубоватое, словно покрытое изморозью, лезвие засверкало на темно-коричневом фоне кожи как бриллиант чистой воды.

– Прекрасно! – Маг zalюбовался наконечником. – Нет, я точно не ошибся в выборе твоего имени. Так сработать может только великий мастер.

Капила засмутился и, чтобы перевести речь на другое, сказал:

– Сталь получилась лучше, чем «вуц»*. Да что «вуц»! Она превосходит даже персидский «табан»*. Этим наконечником можно пробить любые латы без ущерба для его целостности. А как звенит*! Чистое серебро!

– Что верно, то верно... – Вифисарий вдруг нахмурился. – Сталь и впрямь уникальная... как и сам наконечник. Ну, мне пора...

Он достал из сумки деревянный лакированный футляр, обитый изнутри красным китайским шелком, спрятал туда наконечник, попрощался и ушел, даже не заикнувшись об оплате. Но Капила и не принял бы от мага ни серебро, ни золото, ни что-либо иное. Кузнец вдруг понял, что стал участником какого-то действия, способного повлиять на судьбу мира. Эта мысль пришла ему в голову внезапно, словно нашептал кто-то невидимый...

* * *

Но оставим племя брауи и перенесемся к калашам. Вифисарий появился там к вечеру следующего дня. В отличие от поселения соседей, деревня калашей являла собой хаотическое скопище многоэтажных хижин из камня, дерева и глины, приютившееся в узком горном ущелье. Задней стеной почти всех жилищ была поверхность скалы или горы. Крыша нижней хижины одновременно являлась полом или верандой обиталища другой семьи. Интерьер в каждой хижине был аскетическим: стол, стулья, широкие скамьи-полаты и глиняная посуда. Туалет или ванную в доме, как у брауи, калаша считали излишеством.

Между кварталами многоэтажных хижин, уступами поднимавшихся едва не до вершины горы, были вырублены в скалах лестницы, исполнявшие роль улиц, – большей частью узкие и кривые. Но, как и у брауи, все они вели к просторной площади на берегу бурной горной реки.

В центре площади находилось священное место – «джештак», где происходили ритуальные танцы. Это чересчур помпезное для небогатых горцев помещение было оформлено в греческом стиле – колонны, росписи, мраморный пол... Вифисарий невольно улыбнулся – в оформлении джештака явно прослеживалась мысль Гатаспы, местного мага и большого почитателя древних эллинов. К нему Вифисарий как раз и направлялся.

В джештаке происходили главные события в жизни калашей – поминки и различные священнодействия. Обычно похороны у калашей превращались в шумный праздник с пиром и танцами, который продолжался несколько дней.

С левой стороны от джештака, поближе к реке, было построено «башали» – специальное помещение для рожениц и «нечистых» (то есть для женщин в критические дни). Остальным жителям деревни строго-настроено запрещалось даже дотрагиваться до двери или стен этого здания, а еду туда передавали в специальных мисках. У входной двери джештака по обе ее стороны стояли грубо сработанные деревянные статуи Жестак – богини семьи и брака, и Дезалик – богини, ответственной за башали и деторождение.

А справа от джештака высился храм богини Амы, прародительницы калашей, – большое сооружение с квадратным портиком, крышу которого поддерживали деревянные колонны, украшенные резными головами баранов. В портике, на специальном камне, почерневшем от запекшейся крови, совершались многочисленные жертвоприношения животных.

Передний фасад храма имел семь дверей. Дверные створки, изготовленные из ценных пород деревьев, украшала резьба и рельефные фигуры, изображавшие Большую Мать – Аму в сидячем положении. Кроме того, фасад храма украсили растительным орнаментом. С противоположной стороны храма калаша установили пять больших фигур, поддерживавших кровлю. Это были стражи Амы – человекоподобные чудовища.

Вифисария узнавали и с почтением приветствовали. Что и немудрено – деревню калашей он навещал часто, минимум два раза в год. К тому же у него на груди висела на золотой цепи калачакра – диск, символизирующий власть над временем. Этот священный атрибут магов был хорошо известен далеко за пределами Индии и Нуристана.

Маг поднялся по крутой лестнице на самую вершину горы. Там в небольшой, но густой рощице находилось жилище Гатаспы. Внешне оно мало чем отличалось от хижин калашей; разве что было значительно больших размеров и имело двускатную крышу с коньками. Однако внутри Гатаспа оборудовал для себя весьма уютное гнездышко.

В отличие от мага брауи, он не пускал никого из калашей к себе даже на порог (что и неудивительно; они и сами не отличались гостеприимством, так как общались друг с другом каждый день или в храме А мы, или в джештаке), поэтому жители селения пребывали в полной уверенности, что Гатаспа – такой же аскет, как и они сами. Тем более что на людях он появлялся в рубище, достойном какого-нибудь малопочтенного собирателя кизяка, употребляемого в сушеном виде в качестве топлива (с дровами в горах дело обстояло худо).

Гатаспа появился на пороге, едва Вифисарий взялся за большое кольцо, которым следовало стучать в дверь; оно крепилось к дверному полотну на петле.

– Приветствую тебя, брат! – с радостью воскликнул Гатаспа и они обнялись.

Маг калашей внешне казался моложе Вифисария, однако его зеленые глаза были глазами человека мудрого, много повидавшего и пережившего мужа, но никак не юноши, которому исполнилось самое большее – двадцать пять лет. На груди у него висела мандала* – в золотое кольцо внешнего круга был вписан квадрат из тщательно отполированного хризопраса*, а внутренний круг, наложенный на квадрат, представлял собой сложную сетчатую структуру, которая несла какие-то тайные символы. И кольцо, и сетку внутреннего круга искусный мастер-ювелир выполнил из какого-то металла, который периодически менял цвет – от светлого до темного.

Гатаспа был черноволос и смуглолиц. Но эта смуглость больше происходила от загара, нежели от природы – Гатаспа много времени проводил в своей роще, на свежем воздухе. В ней росли деревья, которые на высокогорье обычно не встречаются. Но Гатаспа был большим энтузиастом лесного дела, и его саженцы не боялись ни больших морозов, ни изнуряющей летней жары.

– Ты ждал меня... – не спросил, а скорее констатировал Вифисарий.

– А я заглянул в свой шар. Посмотри сам.

Он подвел Вифисария к столу, где на нефритовой подставке лежал хрустальный шар размером с голову ребенка. В его глубине мелькали какие-то бесформенные тени и образы, а в самом центре сферы светилась яркая искорка.

– Это твои эманации*, – сказал Гатаспа. – Они у тебя очень сильные. Я узнал, что ты отправился путешествовать еще вчера и все это время следил за твоим передвижением. Что привело тебя ко мне? Ведь ты бил ноги по горным тропам не ради удовольствия выпить вместе со мной абрикосовой наливки.

– Нет, не ради такого удовольствия... хотя должен сказать, что твоя наливка выше всяких похвал. Я не только соскучился по тебе. Сбылось долгожданное пророчество Даниила*. Истек назначенный им срок в «семьдесят седмин». В мир пришел Саошиант*. А нам прислана Благая Весть. Пора в путь.

– Ты не ошибаешься? – недоверчиво спросил Гатаспа.

– Вот мое доказательство...

С этими словами маг брауи открыл футляр и показал Гатаспе наконечник копья.

– Он выкован из небесного металла, – объяснил Вифисарий. – Кусок железа упал возле поселения брауи. Признаюсь, я знал, что так будет. Я вычислил траекторию движения обломка звезды, вот только не смог точно определить место его падения. Но Высшие Сферы все устроили, как должно. Их мудрость и способность управлять случайностями безгранична.

Гатаспа сначала обрадовался и вознес краткую молитву прародительнице Аме, а затем вдруг нахмурился. Возможно, ему передалось настроение Вифисария, который был мрачнее грозовой тучи.

– Мы не в силах изменить судьбу человека, – сказал, словно извиняясь, Гатаспа. – Так предначертано...

– И так будет, – закончил его мысль Вифисарий и тяжело вздохнул.

Они немного помолчали, каждый со своими мыслями, а затем Гатаспа сказал:

– Располагайся. И смой с себя дорожную пыль, пока я накрою стол.

Вифисарий молча кивнул и направился в отведенные для него покои.

Жилище Гатаспы было сплошь деревянным. Но если его наружная обшивка представляла собой разнородные, потемневшие от времени бревна, большей частью тонкие и кривые, то внутри стены буквально светились от воцеленного дерева ценных пород. В просторной комнате приемов, уставленной красивой мягкой мебелью, был сооружен большой камин с мраморной полкой, на которой стояли вырезанные искусными резчиками из слоновых бивней и нефрита фигурки богов разных времен и народов. Божков оказалось так много, что Вифисарий даже не смог их сосчитать.

Ванную комнату Гатаспа обустроил как римские термы. Он отделал ее белым мрамором и в ней находилось два бассейна. Каждый из них имел длину в полтора дхануша*, ширину не менее трех хаста* и глубину полтора хаста. В одном бассейне была горячая вода, а в другом – холодная.

Погрузившись в бассейн с горячей водой, Вифисарий от наслаждения даже застонал. И мысленно поклялся (в который раз!), что, возвратившись домой, сделает себе такую же ванную комнату. Из-за постоянных бдений в обсерватории, хозяйственными делами заниматься ему было недосуг, поэтому Вифисарий мылся так, как и все мужчины-брауи – летом и осенью под водопадом, а когда вода замерзала, то в примитивной деревянной ванне, куда его крупное тело едва помещалось.

Окунувшись с головой в бассейн с ледяной водой и почувствовав после этого большой прилив энергии и сил, маг надел легкую тунику из хлопка и присоединился к Гатаспе, который уже ждал его за накрытым столом. Нужно сказать, что Вифисарий удивился и даже немного обиделся, когда увидел, что находится на столе – всего лишь кувшин с виноградным вином и легкая закуска в виде орехов и медовых пряников. Неужто у Гатаспы не нашлось ничего существенней для изрядно проголодавшегося друга?

Наблюдавший за его реакцией Гатаспа весело рассмеялся и сказал:

– Жадность не относится к числу моих пороков. Ты должен бы это знать. Сегодня у калашей праздник начала посева – Йоши, посвященный богу зерновых культур Махандеу, и мы просто обязаны на нем присутствовать. Они будут сильно обижены, если мы не отведаем всех их яств. Поэтому не будем нагружать желудок, а просто выпьем за нашу встречу, чтобы нагулять еще больший аппетит...

Праздничные столы калашей и впрямь ломились от еды – овощи, фрукты в медовой патоке, орехи, мед, козий сыр, лепешки разных видов, пряники, вяленая баранина, похлебка из горных куропаток, кровяные колбаски... Но главным блюдом были запеченные на костре

козы. Их зашитые животы обычно наполняли ароматическими травами, и у Вифисария даже слюнки потекли, когда до его обоняния дошли удивительно вкусные запахи жареного мяса.

Увы, из спиртного на столах присутствовал лишь абрикосовый самогон. Он оказался таким крепким, что даже слезу вышибал. Вифисарий, привыкший к хорошему виноградным винам, захмелел очень быстро, и не приди к нему на помощь Гатаспа, который дал ему выпить какой-то порошок, мигом прогнавший хмель из головы, мага из-за стола вынесли бы на руках, что среди калашей считалось позором.

Пока мужчины предавались возлияниям, девушки танцевали. Под мелодичные звуки дудок, флейт и тихий рокот барабанов они пели ритмичную песню и кружились небольшими группами, положив друг другу руки на плечи.

Девушки и женщины были одеты в черные платья, украшенные понизу, на рукавах и на плечах яркой вышивкой нитками и ракушками. На головах у них красовались круглые шапочки, сделанные из разноцветных деревянных шариков. Сзади к шапочкам крепились широкие пестрые ленты, а спереди – крохотные бубенчики, которые звенели при каждом шаге. Из украшений девушки носили бусы из тех же деревянных шариков и бубенчиков, а также ожерелья из монет, большей частью бронзовых.

Когда музыка стихала, седобородый старик с длинной резной палкой в руках начинал что-то рассказывать собравшимся мерным, заунывным голосом. Это был сказитель. Он рассказывал участникам праздника легенды из жизни калашей.

Танцы проходили почти в полной темноте. Место для танцев (действие из-за теплых весенних дней происходило не в помещении, а на самой площади) лишь немного подсвечивалось пламенем костров. Танцы продолжались всю ночь. Ближе к утру к девушкам присоединились и юноши. Окончания праздника маги дожидаться не стали, ушли, когда забрезжил рассвет.

Они спали до обеда. Когда Вифисарий проснулся, в голове у него гудели шмели. В отличие от него, Гатаспа выглядел свежим, словно росток первого весеннего цветка. Он приготовил гостю холодный пенящийся напиток, после которого маг брауи значительно повеселел и почувствовал прилив сил.

– Что это? – спросил он с интересом.

– Перебродивший сок белокорого северного дерева. В моей роще есть несколько таких деревьев. Я насобираю целую амфору сока. Весна для этого – самое время.

– Возьму себе на заметку... – Вифисарий тряхнул головой, приводя беспорядочные мысли в надлежащее состояние, и продолжил: – Готовься к дальнему путешествию. Мы отправляемся к Мелхиседеку.

– Где он сейчас?

– По моим сведениям, в Вавилоне.

– Что он там делает? – удивился Гатаспа. – Ведь от прежнего Вавилона с его храмами, библиотеками и обсерваториями остались лишь одни развалины. Да и те разбирают по кирпичику.

– Ну, не совсем так... Кое-что все же осталось. То, что нужно магу такого высокого ранга, как Мелхиседек. Только не спрашивай, что именно. В такие дела он не посвящает никого, даже самых близких ему людей.

– Много ли осталось у него близких... – проворчал Гатаспа.

– Думаю, что не очень. А скорее их вовсе нет. Мелхиседек уже прожил дольше всех самых старых магов. И пока еще не думает отправляться в Высшие Сферы. Ладно, пусть его... Речь пока не о том. Ты подготовил свои дары?

– А как же. Смотри... – Гатаспа поднял крышку резного сундука, достал оттуда красивую кипарисовую шкатулку с чеканной серебряной окантовкой и открыл ее.

Шкатулка была заполнена каплевидными кусками отборного – «росного» – ладана*, розоватого на цвет.

– Теперь твой черед хвалиться, – сказал он, закрывая шкатулку.

Вифисарий сумрачно кивнул и достал из своей дорожной сумки бамбуковый футляр с мягкой обивкой, а в нем широкогорлый сосуд из дорогого и прочного египетского стекла, закрытый притертой пробкой; размерами и формой он походил на небольшую дыню. Верхняя часть пробки представляла собой золотую печать с изображением летящего голубя. Через зеленоватое стекло хорошо просматривались красно-коричневые кусочки мирры*, заполнившие сосуд почти доверху.

– Мирра из страны Нуб*, – сказал Вифисарий. – Самая лучшая.

– Да-а... – Гатаспа тяжело вздохнул. – Путешествие наше радостным не назовешь... несмотря на рождение Спасителя.

– Так решил синклит Посвященных, – строго сказал Вифисарий.

– И нам осталось только подчиниться...

– Совершенно верно. Что ж, к дальней дороге почти все готово...

– Почти?..

– Для наконечника копья нужно отменное древко.

– Ну, это несложная задача. Калаши – великолепные резчики по дереву. А уж древки для копий и дротиков у них получаются одно загляденье. Для этой цели, думаю, нужно взять тонкий ствол мезуа*. У калашей есть запас хорошо высушенных прямых жердей.

– Что ж, тогда за работу...

* * *

Вифисарий с болью в душе смотрел с вершины невысокого холма на Вавилон. Что случилось с самым красивым из городов, которые ему довелось увидеть за долгие годы своей жизни?! Просторный царский дворец с золоченой крышей разрушен, от окружавшей город стены остались лишь отдельные участки, многие трех- и четырехэтажные дома стоят без крыш и с пустыми глазницами окон, глубокий ров с водой, окружавший Вавилон, пересох, обмелел и превратился в свалку отходов и нечистот...

Когда-то город имел восемь ворот, которые назывались именами богов: ворота богини Иштар, бога луны Сина, ворота Мардука, ворота бога земли Энлиля, ворота бога солнца Шамаша, ворота бога грозы и бури Адада, а также ворота Лугалгирра и Ураш. Теперь на их месте зияли лишь проемы.

Более-менее сохранилось только святилище покровителя Вавилона, бога Мардука, с медными вратами, семизэтажная пирамида-зиккурат Этеменанки*, на вершине которой находился храм, и ворота богини Иштар, облицованные синей плиткой с перемежавшимися рядами сиррушей* и быков. Через ворота и коридор, стены которого украшала плитка с изображениями львов, проходил Путь Процессий. Во время празднования нового года по Пути Процессий к зиккурату Этеменанки проносили статуи богов.

Нынче коридор Пути Процессий изрядно обветшал, плитка местами осыпалась, о храме, венчавшем зиккурат, напоминали лишь две колонны, а каменная лестница, ведущая наверх, напоминала щербатый рот древней старухи. Да и возвышенность, на которой стояли Вифисарий и Гатаспа, в свое время была одной из сторожевых башен; когда-то в ней располагалась таможенная стража. Теперь от башни осталось лишь крошево из сырцового кирпича, образовавшее холм, уже поросший чахлой травой.

– И где нам искать Мелхиседека? – спросил Гатаспа и чихнул; тонкая въедливая пыль хрустела на зубах, набилась в нос.

– Язык до Рима доведет, – ответил Вифисарий и тяжело вздохнул: о время, как ты беспощадно!

Им повезло. На одной из улиц Вавилона они буквально столкнулись с магом низкого ранга по имени Артабан. В отличие от Вифисария и Гатаспы, лошади которых были измождены длинной и тяжелой дорогой, вороной жеребец Артабана так и порывался пойти с места в галоп. Но повод держала крепкая рука. На вид рослому, черноволосому Артабану было не более сорока лет. Он был мускулист, жилист, а его большие черные глаза, в которых светился незаурядный ум, поражали своим ярким блеском.

Артабан очень обрадовался встрече и выразил желание лично провести путешественников к Мелхиседеку.

– Он находится в Борсиппе*, в храме Семи Сфер, – сказал Артабан, осаживая танцевавшего от нетерпения коня. – Только, я думаю, вам нужно немного отдохнуть, подкрепиться и переменить лошадей. Бедные животные совсем измучились.

– С отдыхом можно повременить, поедем на ходу, а вот по поводу лошадей ты прав, – ответил Вифисарий. – Но где это можно сделать? Раньше в Вавилоне при почтовых службах находились постоянные дворы, где путнику предлагали не только ночлег и еду, но и свежих лошадей. Но теперь, насколько мне известно, таких услуг и в помине нет.

– Доверьтесь мне, – сказал, улыбнувшись, Артабан. – У меня много знакомых среди торговцев лошадьми. Мы обменяем ваших коней на других с небольшой доплатой. Всего лишь.

– Ну, если так...

* * *

По сравнению с Вавилоном, Борсиппа стал совсем уж затрапезным городишком, больше похожим на селение. От крепостных стен остались лишь валы, храм бога Эзида – «Дом вечности» – сильно обветшал, и его стены были сплошь в проплешинах от обвалившейся облицовочной плитки, а верхние башни зиккурата Эуриминанки – «Дома семи владык земли и неба» – будто срезало ножом.

Единственным достоинством Борсиппы (с точки зрения Мелхиседека) был высокий холм неподалеку от бывших городских стен и то, что сезон пыльных бурь каким-то чудом не касался города, и небо над ним почти всегда было безоблачным, а воздух чистым. На холме стоял храм Семи Сфер. Впрочем, храмом его считали лишь простолюдины. Правители и жрецы Вавилона знали храм как великолепно оборудованную обсерваторию. Семь облицованных голубой и синей плиткой шарообразных куполов виделись издалика. Общий упадок некогда могучего государства почти не коснулся храма Семи Сфер, потому что за ним надзирали Посвященные – маги высшего разряда, имевшие большой авторитет и огромные возможности.

Если на подъезде к Вавилону магам еще встречались отряды всадников, повозки и путники, то дорога к Борсиппе была практически пустынной. Может, этому способствовал неимоверный летний зной; погонщики верблюдов старались водить караваны по ночам, когда становилось прохладно. Лишь старик-пастух с внуком гнал на выпас небольшое стадо коз, да тощий, иссушенный тяжелой работой крестьянин ехал на таком же несчастном с виду осле, кемаря на ходу.

В храме стояла удивительная тишина. Казалось, время замедлило здесь свой бег и застыло, заключенное в толстые белые колонны, поддерживавшие высокий потолок. В храме Семи Сфер и впрямь молились, но на первом этаже. Второй этаж отдали во владение магам и астрологам (что, собственно говоря, одно и то же).

Жрец в длинном балахоне с колпаком на голове, неприкаянно мыкавшийся возле жертвенника в ожидании жертвователей (конечно же, богатых; по крайней мере, об этом он мечтал), оживился, когда в храме появились маги. Но, заметив на груди предполагаемых паломников золотые диски, удостоверявшие их принадлежность к сословию Посвященных, сразу же поскущел и склонил голову в глубоком поклоне. На вопрос Вифисария, где находится Мелхиседек, жрец молча указал на одну из семи лестниц, которые вели в главный купол.

Сидя у стола с мраморной столешницей, Мелхиседек что-то быстро писал и черкал на длинном пергаментном свитке. По тому, как он часто использовал абак*, можно было понять, что маг ведет какие-то вычисления. Иногда Мелхиседек обращался к другому счетному приспособлению, представлявшему собой довольно сложный механизм с зубчатыми колесиками, циферблатами и стрелками. Он так увлекся работой, что не обратил ни малейшего внимания на своих гостей. Мелхиседек отстранился от всего земного, он был в другом измерении, поэтому в данный момент люди для него просто не существовали.

Вифисарий с интересом присмотрелся к механизму. Маг знал о его существовании, ему было ведомо, как он работает и устройство, но видеть еще не доводилось. Он был очень дорог и существовал всего в трех экземплярах. Их изготовил сам великий Ктесибий*. Другим механикам это оказалось не под силу.

Передние циферблаты механизма показывали знаки зодиака и дни года. Задав нужную дату с помощью рукояти, человек получал массу полезных астрономических сведений. Показания о положении небесных тел считывались на передней и задней стенках коробки (она была размером с большой кирпич), а черно-белый шарик демонстрировал соответствующую фазу Луны.

Циферблаты механизма показывали положение планет относительно звезд, даты солнечных и лунных затмений, а также даты Олимпийских игр. Один из циферблатов на задней стенке отображал сарос – цикл продолжительностью 18 с небольшим лет (223 лунных месяца), в течение которого затмения Луны и Солнца повторяются в одном и том же порядке. Второй спиральный циферблат соответствовал Метонову лунному циклу длительностью чуть более 19 лет (235 лунных месяцев). Кроме того, механизм мог выполнять арифметические действия сложения, вычитания и деления.

Но основной достопримечательностью в главном, самом большом, куполе храма Семи Сфер являлось сложное сооружение, в основном состоявшее из зеркал и больших линз, сделанных из хрусталя и стекла и заключенных в бронзовую трубу. С его помощью Мелхиседек разглядывал звезды и планеты. (Вифисарий тоже имел подобный прибор, но меньших размеров и слабее.) Строители храма прорезали в куполе несколько закрывавшихся заслонками вертикальных щелей, через которые можно было наблюдать за звездным небом.

Наконец Мелхиседек оторвался от расчетов, посмотрел на магов с каким-то отрешенным выражением на своем благообразном лице и сказал:

– А, вы уже прибыли... Быстро. Я ждал вас завтра или послезавтра.

– Приветствуем тебя, о мудрейший! – за всех сказал Вифисарий и маги застыли в глубоком поклоне.

– Будет вам церемонии разводить... – Мелхиседек потер ладонями уставшие глаза. – Главное – дело.

Внешне Мелхиседек выглядел глубоким стариком – длинная седая борода, почти белые волосы, глубокие морщины на лице, несколько замедленные движения, на коже темные старческие пятнышки... И тем не менее в его фигуре чувствовалась странная для его возраста мощь. Странная для непосвященных. Вифисарий хорошо знал напиток, которым старый маг поддерживал свои силы. Он и сам его употреблял. Напиток обновлял организм, добавлял энергии и продлевал годы жизни.

В отличие от Вифисария и Гатаспы, Мелхиседек был белокожим, хотя по его загорелому лицу это не было видно – он чересчур много времени провел на Востоке. Даже Посвященные Главного Круга не ведали, где и когда он родился. Вифисарий знал лишь то, что Мелхиседек прибыл на Восток из Энетии*. Эта таинственная земля, где, как говорят, большую часть года царят мрак и холод, всегда вызывала интерес у восточных магов, но никто из них не отваживался совершить путешествие в Энетию. Поэтому личность Мелхиседека вызывала у них почтение и даже священный трепет; даже в глазах магов он казался почти полубогом, а что тогда говорить о простых людях.

Впрочем, и происхождение остальных магов чаще всего являлось тайной за семью печатями. И Вифисарий, и Гатаспа родились не в горах Гиндукуша. Они оказались там даже не по своей воле. Так решил главный синклит Посвященных.

– Оставь нас, – сказал Мелхиседек, обращаясь к Артабану.

Артабан не смог скрыть разочарования, но подчинился беспрекословно; его статус не позволял ему присутствовать на тайном совещании магов столь высокого ранга. Когда он удалился, Мелхиседек сказал:

– Покажите...

Вифисарий развернул длинный сверток и перед глазами старого мага предстало великолепное копье с подтоком – нижней оковкой древка. Мелхиседек осторожно провел пальцем по лезвию наконечника и молвил с благоговением:

– Звездный металл...

– Именно так, мудрейший, – ответил Вифисарий. – Посланец небес, как ты предсказывал, прибыл вовремя.

– Что ж, теперь нас ничто не держит. Будем собираться в дальний путь. Дело у нас очень важное, поэтому нам нужно достойное сопровождение. Об этом позаботится Артабан, коль уж ему стало известно о вашем прибытии.

– Когда пойдем?

– Как только Муштари* и Кейван* в очередной раз сойдутся вместе в созвездии Рыб, нам будет подан знак свыше. Что он собой представляет, я пока не знаю. Но мы должны быть готовы отправиться в дорогу в любой момент.

– Куда будем держать путь?

– Тут и гадать нечего. Созвездие Рыб – символ Иудеи. Кейван олицетворяет народ Израилев, а Муштари – повелителя. Но где точно находится младенец Саошиант, будущий Царь Царей, нам придется выяснить на месте.

– Царю Ироду, который сейчас правит в Иудее, может не понравиться наше появление в пределах его государства, – осторожно заметил Гатаспа. – И потом, к магам первосвященники иудеев относятся весьма предвзято...

– Так оно и случится, – нахмурился Мелхиседек. – Но у нас будет время избежать злой участи. А теперь я хочу показать вам свой дар... – С этими словами старый маг нажал на какой-то рычажок, и в тумбе стола открылась потайная дверка.

Мелхиседек достал из тайника золотую чашу божественной красоты. Ювелир покрыл ее чеканными изображениями людей и животных, которые как бы составляли единую процессию. А понизу и поверху чаши шел растительный орнамент. Неведомый чеканщик был великим мастером. Миниатюрные изображения людей были настолько близки к оригиналам, что хорошо просматривались не только лица, но даже волосы и детали одежды.

– Потрясающе! – выдохнул восхищенный Вифисарий.

– Золотой песок для изготовления чаши добыт из заброшенных копей царя Соломона, – сказал Мелхиседек. – Я совершил туда путешествие два года назад, хотя, должен вам сказать, места там дикие, местные племена свирепые, и мне пришлось очень нелегко.

Гатаспа, который втайне считал свое путешествие от гор Гиндукуша к Вавилону едва не эпическим подвигом, смутился и мысленно преклонился перед Мелхиседеком; в его-то годы – и такие трудности...

* * *

Авл Кассий, декурион* одного из восточных римских легионов, тоскливо смотрел на пыльный караванный шлях, который вел на север, в Сирию. Вместе с такими же ветеранами, как и сам, Авл Кассий охранял таможенный пост на границе Иудеи. С некоторых пор доходная служба на таможне превратилась в настоящую муку. Царь Иудеи, бесноватый Ирод, который убил свою жену Мариамму и сыновей Александра и Аристобула, своими дикими выходками почти отвадил караваны иноземных купцов от рынков страны. И теперь по караванному пути в основном передвигались всадники сирийской алы*, гонцы прокуратора Иудеи наместника Сирии Сульпиция Квинриния или легата* Квинтилия Вара, легион которого сражался в горах Малой Азии с восставшими варварскими племенами.

Авл Кассий был зол на весь мир. Он клял и свою судьбу, и своего предка Спурия Кассия Висцелина. Это он виноват в том, что Авл Кассий – всего лишь декурион, а не легат, например, хотя боевых заслуг у него больше, чем нужно, а его род не менее знаменит, чем род Квинтилия Вара, который принадлежал к обедневшей и малозначительной ветви патрицианского рода.

Древний и знатный род Кассиев когда-то тоже был патрицианским. Но Спурий Кассий Висцелин, трижды становившийся консулом в первые годы республики, предложил земельный закон в пользу плебеев. За это его как изменника сбросили с Тарпейской скалы Капитолия, названной так по имени Тарпеи, дочери коменданта Капитолийской крепости, открывшей ворота осаждавшему Рим сабинскому вождю Титу Тацию. (Убитая теми же сабинами Тарпея похоронена над юго-западным обрывом Капитолийского холма, а место ее захоронения стало местом, откуда сбрасывали всех изменников.) После этого род Кассиев стал считаться плебейским, и его представители не могли рассчитывать на высокую должность.

Неожиданно вдали показалось пыльное облако, и вскоре к таможенному посту приблизилась отряд вооруженных всадников на верблюдах. «Караван бедуинов...», – понял Авл Кассий и решительно преградил им дорогу. Позади него в спешном порядке занимали позиции легионеры, держа оружие наготове и алчно поглядывая на переметные сумы путников.

– Куда едем, что везем? – достаточно вежливо спросил Авл Кассий, поприветствовав путешественников характерным воинским жестом, – поднятой вверх на уровень плеча левой рукой, сжатой в кулак, – за долгие годы вошедшим в плоть и кровь старого служаки.

Его вежливость происходила вовсе не от хорошего воспитания или строгих служебных установлений, требующих обходительности с иноземцами, тем более купеческого сословия. Впереди отряда находились три весьма колоритные личности в богатых одеждах: седобородый старец и двое мужчин средних лет. От них исходила какая-то странная сила, которая заставила декуриона унять свое рвение; некоторые легионеры даже рты открыли от изумления – таким паинькой обычно грубого и жесткого Авла Кассия они видели впервые.

– Мы направляемся к царю Иудеи Ироду Великому с посольством, – приветливо улыбаясь, сказал седобородый старец.

Авл Кассий мгновенно сник – надежда на щедрую мзду растаяла на глазах. Караваны послов не подлежали таможенному досмотру и с них не бралась пошлина. И тут случилось невероятное: старец полез в свои одежды, достал оттуда увесистый мешочек с деньгами и точным движением послал его с высоты седла прямо в руки декуриона, который поймал его одним движением – как кот зазевавшуюся мышь. Послышался характерный звон, и в голове декуриона мелькнула совсем уж бредовая мысль: «Неужели золото?!»

– Прими от чистого сердца, – сказал старец. – Из уважения к нелегкой солдатской службе. Разделите между собой поровну. А это... – тут он щелкнул пальцами, и в его руках, словно по мановению волшебной палочки, появилось великолепное копье. – Это лично тебе, декурион. Достойное оружие – достойному воину.

Уже и легионеры разделили и пересыпали в свои кошельки нечаянный и щедрый дар богов – золотые ауреусы*, и караван странных послов давно исчез вдаль, а Авл Кассий никак не мог налюбоваться драгоценным подарком. Декурион знал толк в оружии, поэтому сразу оценил, сколько оно может стоить. Оценил – и почувствовал, как сильно забилося сердце; за это копье пришлось бы отдать оружейному мастеру почти все деньги, причитавшиеся ему за год беспорочной службы! И невольно похолодел – с какой стати ему выпала такая удача?

Авл Кассий невольно обратил свой взор к небу и увидел, как высоко вверху распластал свои крылья большой орел. Казалось, что вот-вот он спикирует вниз, на таможенный пост, и прежде не ведавший страха декурион непонятно почему инстинктивно втянул голову в плечи.

А в это время возглавляющий караван Мелхиседек, переглянувшись с Вифисарием и Гатаспой, загадочно изрек:

– Так предначертано, так тому и быть...

* * *

Дворец царя Ирода находился на западной окраине Ершалаима, в Верхнем городе. Это место господствовало над западным отрогом и отсюда посылались световые сигналы во все другие крепости Иудеи. Дворец окружала высокая стена. Северо-западная и западная ее стороны являлись продолжением городской стены и имели три башни, носившие имена Гиппия, погибшего в бою друга юности Ирода, Фасаила, покойного брата царя, и Мариаммы, бывшей жены царя.

Возле башни Гиппия находился водоем для хранения дождевой воды, а за ним двухэтажное здание, увенчанное парапетом с бойницами. Нижний этаж башни Фасаила имел крытую галерею, а на втором этаже находилась купальня и изысканные апартаменты. Башня была настолько великолепной, что выглядела как знаменитый Фаросский маяк в Александрии. Башню Мариаммы построили меньших размеров, но она была пышнее и разнообразнее обставлена.

Южнее башен находился главный дворец с двумя большими покоями, названными в честь Августа и Марка Агриппы. Кроме покоев имелось множество других помещений; некоторые из них были настолько велики, что в них укладывали спать до сотни гостей. Искусные мастера инкрустировали стены дворца редкими дорогими видами мрамора, а потолочные балки, необычно большой ширины и богато украшенные, изготовили из ценного ливанского кедра. Множество изысканных картин и скульптур радовали глаз, а все вещи домашнего обихода ювелиры изготовили из золота и серебра.

Снаружи дворца шел ряд галерей, украшенных колоннами с прекрасной резьбой. Их окружали зеленые лужайки и рощицы, которые орошались из глубоких каналов и прудов; вода в них освежалась и пополнялась каскадом бронзовых фонтанов.

Выше водоемов располагались голубятни. Голуби играли роль курьеров и представляли важную часть Иродовой системы связи. Царь унаследовал эту практику от идумейского города Мариссы, где до разрушения его парфянами голубей во множестве разводили как священных птиц в пещерах в честь Атаргатис-Танит, языческой богини, отождествлявшейся с Афродитой.

Начальник тайной стражи царя Ирода Великого, арамей* Халафта, дожидался повелителя в галерее. Струйка воды из большой серебряной клепсидры*, богато украшенной

чеканным орнаментом, уже передвинула стрелку отсчета времени на два деления, а царь все не выходил из подземного мавзолея, где в хрустальном саркофаге лежала его любимая жена, Мариамма I, которую убили по приказанию самого Ирода – из ревности.

Безмолвным телохранителям царя, которые застыли, как статуи, у входа в мавзолей, и начальнику тайной стражи достаточно отчетливо слышались слегка приглушенные толстой дубовой дверью вопли и горестные стенания Ирода, но они делали вид, что глухи и немые.

После того как слуги убили Мариамму, царь опомнился, но еще никто не возвращался из царства мертвых. Тогда он приказал забальзамировать жену. Ее поместили в прозрачный саркофаг, залили светло-янтарным падевым* медом, который никогда не засахаривается, и теперь Мариамма выглядела не мертвой, а просто уснувшей. Когда Ироду становилось совсем плохо (особенно в жаркие летние месяцы), он спускался в мавзолей (чаще всего по ночам), где всегда царила прохлада, и часами рыдал над гробом жены, жалуясь ей и на подчиненных, и на беспутных сыновей, и на свою горькую судьбу, и на богов, которые наказали его многими болячками.

Семейные несчастья до того омрачили жизнь Ирода, что он уже ни в чем не находил себе отрады. Его помраченный дух повлек развитие разных болезней. Помимо лихорадки, по всей поверхности кожи Ирод испытывал невыносимый зуд, ноги сильно отекали, в желудке развивалась язва, а в кишках временами начинались ужасные боли. Кроме того, царя мучила одышка и болезненные судороги в мышцах.

Наконец дверь отворилась, и Ирод, измученный ночным бдением у гроба бывшей жены, вышел в галерею. Он сразу же обратил свой взгляд на склонившегося перед ним в низком поклоне начальника тайной стражи и бесцветным усталым голосом сказал:

– Знаю, знаю... Знаю, что в очередной раз ты принес плохие вести. Опять моя сестричка Саломея плетет сеть интриг. А сынок Антипатр поносит меня на всех углах и готовится всыпать отраву в мой кубок с вином. Надеются меня извести, лишить трона... Антипатр сейчас в Риме, императора Августа обихаживает, напраслины на меня возводит... это мне известно. Ничего, мы и до Рима доберемся, он нигде от меня не спрячется... Что, что там еще у тебя?! – вдруг вскричал Ирод пронзительным голосом. – Говори, не молчи!

– Странные слухи поползли по Ершалаиму... – осторожно начал Халафта. – Будто бы свершилось древнее пророчество и в Иудее родился Машиах*...

– Очередная утка! – фыркнул Ирод. – Сколько их было... Один мудрец сказал: «Если ты держишь в руке саженец и тебе говорят, что пришел Машиах, сначала посади саженец, а потом иди встречать Машиаха». Мне уже доложил об этом первосвященник Симон. Его шпионы получше твоих... – Под жестким взглядом Ирода начальник тайной стражи опустил глаза. – Третьего дня я собирал Синедрион* и книжников и спрашивал их, родился ли Машиах, а если да, то где. И что они ответили? Как всегда, напустили туману: «Когда это произойдет, никому неизвестно, но если ОН родится, то в Вифлееме Иудейском». «Почему вы так думаете?», – спросил я. «А потому, – говорят, – что так написано у пророка Михея». Написано у пророка – и все тут! Этих пророчеств не счесть. И ни одно пока не сбылось.

– Да, это так, повелитель. Однако на сей раз все гораздо достоверней и серьезней. В Ершалаим пришли три персидских жреца...

– О боги! – воскликнул Ирод с иронией. – Эка невидаль – персы. Им тут словно медом намазано. Как пришли, так и уйдут. Накупят мирры и ладана, – у них там с благовониями всегда сложно – да ярких тканей восточных на свои халаты и отправятся восвояси.

– Дело в том, что, во-первых, ведут они себя странно. Не похоже, что приехали скупиться. Мои шпионы доносят, что персы спрашивают у торговцев, где им можно лицезреть недавно родившегося царя иудейского.

– Царя? – Взгляд Ирода потяжелел. – Так и сказали? Интересно... А во-вторых?

– Во-вторых, никакие они не жрецы. Это маги высокого ранга.

Ирод совсем помрачнел.

– Откуда это тебе стало известно? – спросил он начальника тайной стражи.

– Один из моих людей, купец, узнал старшего из волхвов. Ему приходилось бывать в Вавилоне.

– Маги... – Ирод нервно щелкнул пальцами. – Маги! В Ершалаиме только персидских магов и не хватало. Отдай их Синедриону. Старейшины терпеть не могут магов. Но пусть сначала палачи Синедриона как следует поспрашивают этих персов, какого царя они ищут (лично я думаю, что это очередная блажь книжников, только персидских), а затем пусть распнут их или бросят в яму с голодными псами. Дабы неповадно было другим смущать народ разными сказками.

– Прости меня, повелитель, но все не так просто... Старший из магов – сам Мелхиседек.

– Что-о?! – Ирод побледнел.

У него вдруг сильно зачесалось все тело и он начал извиваться в своих одеждах, словно змея, которая сбрасывает старую кожу. Он хорошо знал, КТО такой Мелхиседек и какой авторитет у этого мага не только на Востоке, но даже в самом Риме. Если в Иудее с ним что-нибудь случится, то Ироду придется отвечать за это перед самым императором Августом. Это не шутки. Так можно и головы не сносить.

– Мелхиседек... – Царь собрал всю свою волю в кулак и заставил себя не думать про нестерпимый зуд, буквально сводивший его с ума. – Если это так, то здесь Синедрион бессилен. Он не по зубам нашим старейшинам. Они не осмелятся не то что его осудить, но даже заточить. Старейшины и книжники уверены, что Мелхиседек – священник Бога Всевышнего.

Халафта молча кивнул, соглашаясь с царем. А затем сказал, осторожно подбирая слова:

– Но Мелхиседека можно использовать в наших целях...

– Как?

– Вам нужно устроить магам тайную аудиенцию – зачем лишние глаза и уши в таком, прямо скажем, непростом деле и попросить их, чтобы они нашли младенца Машиаха, благо нам известно, что он родился в Вифлееме (если верить Синедриону). Вы скажете, что хотите поклониться будущему царю иудейскому... – При этих словах лицо Ирода исказилось злобой, он хотел что-то сказать, но начальник тайной стражи опередил его и закончил свою мысль скороговоркой: – Законы магов высшего посвящения (а Мелхиседек как раз и относится к избранным) запрещают им лгать, и если они отыщут младенца, то они обязаны будут сказать вам правду. А затем... – Халафта коварно улыбнулся. – Мало ли что может случиться с магами на обратном пути в Персию. Времена нынче беспокойные. Разбойников много развелось, и опять-таки варвары восстали... До сих пор войска легата Квинтилия Вара ничего не могут с ними поделать.

Ирод немного успокоился, даже улыбнулся (правда, улыбка вышла несколько кривоватой), и ответил:

– Если все случится, как ты задумал, моя благодарность за твою верную службу превзойдет все твои ожидания...

Маги покинули дворец Ирода только к утру. Они не чаяли сносить головы, когда царская стража подняла их среди ночи и под конвоем повела неизвестно куда. Потом выяснилось, что стражники и сами не знали, кого и к кому ведут.

Но все обошлось. На удивление, Ирод был сама любезность. Он рассыпался в комплиментах по адресу гостей, угощал их изысканными яствами, расспрашивал о пути в Иудею, о жизни в Вавилоне... А под конец аудиенции, изобразив священный трепет, спросил, правда ли, что родился царь иудейский? На что Мелхиседек бестрепетно ответил:

– Да, великий царь, это так. Родился Саошинта, Царь Царей.

– Когда это случилось?

Взгляд Ирода был, как у волка, попавшего в западню.

– В прошлом году, в месяце тевет*, – сказал Мелхиседек.

– Как вы это определили?

– В созвездии Рака есть две звездочки, называемые Ослятами, а среди них маленькое облако, которое называют Яслями. Когда родился Саошианта (или Машиах, как величают Спасителя в Иудее), Ясли так ярко засияли на небосклоне, что их можно видеть даже невооруженным глазом.

– Я преклоняюсь перед мудростью звездочетов, – сказал Ирод. – Что ж, и мы можем внести свою лепту в столь значимое событие. Вы спрашивали жителей Ершалаима, где, в каком месте можно найти новорожденного царя иудейского. Так знайте же, это случилось в Вифлееме. К сожалению, нам неизвестно, в какой семье родился Машиах. Поэтому я надеюсь, что вы со своими великими познаниями сможете быстро найти его, дабы я тоже мог поклониться будущему Царю Царей.

– Царь задумал что-то плохое, – сказал Вифисарий, когда маги пришли в караван-сарай, где они поселились, прибыв в Ершалаим.

– Я знаю, – спокойно ответил Мелхиседек. – Мне известно и то, что за нами идут несколько царских шпионов. Пусть их... До вечера отдохнем, а потом двинемся в путь. Ночью нам будет легче оторваться от соглядатаев. До Вифлеема недалеко, около двух парасангов*. Но дорога туда скверная, каменистая. Поэтому нам понадобится на менее четырех часов, чтобы добраться до места.

– Как быть с дарами Ирода? – спросил Гатаспа, взвешивая в руках мешочек с денари-ями*.

– Пусть наши слуги раздадут деньги ершалаимским нищим, – строго сказал Мелхиседек. – Это серебро нечистое.

* * *

Дорога в Вифлеем оказалась тяжелее, чем предполагал Мелхиседек. Она была вся в выбоинах, на ней валялось много мелких камней, и маги ехали медленно и очень осторожно. Перед тем как покинуть караван-сарай, Мелхиседек приказал лохагу* – начальнику воинов, которые сопровождали их от самого Вавилона, чтобы, как только начнет светать, караван ушел из Ершалаима.

– Мы не вернемся в Ершалаим? – удивленно спросил Гатаспа. – Но ведь царь Ирод просил, чтобы ему сообщили, где и в какой семье находится Саошианта...

Вместо Мелхиседека, который в этот момент о чем-то напряженно размышлял, ему ответил Вифисарий. Он лукаво улыбнулся и сказал:

– Царь Ирод совершил ошибку – он не взял с нас слово, что мы ОБЯЗАТЕЛЬНО должны это сделать. Мудрейший посмотрел в свой кристалл и он подсказал ему, что если вернемся в Ершалаим, нас ожидают муки и скоропостижная смерть. Поэтому, отыскав Саошианту, мы немедленно отправляемся домой. Караван будет ждать нас на Вифлеемской дороге, которая идет в южном направлении – на Идумею*.

Услышав объяснение Вифисария, Гатаспа торопливо полез в свои одежды и достал мандалу их хризопраса. Прежде почти прозрачный светло-салатного цвета камень стал мутно-зеленым с коричневатым оттенком. Гатаспа побледнел и тихо пробормотал себе под нос:

– Экий я болван! Не удосужился раньше посмотреть...

Вифлеем лежал перед магами большим темным пятном на фоне более светлой местности. Звезды светили так ярко, что не нужно было и луны, тонкий серп которой уже начал

подниматься над горизонтом. «Как мы можем найти в этом хаотическом скоплении жилищ нужный нам дом?» – в растерянности подумал Гатаспа, глядя на город. Ответ на его безмолвный вопрос пришел незамедлительно. Мелхиседек будто подслушал его мысли:

– Тот, кто нас ведет, подскажет... Помолимся, братья.

Маги расстелили коврики, сели на них и погрузились в транс; они словно превратились в каменные изваяния. Так прошел час, другой... Неожиданно в незыблемом расположении звезд произошли какие-то изменения. Одна из звездочек начала расти в размерах и приближаться к Земле. Вскоре она опустилась так низко, что до нее, казалось, можно добросить камешек.

Взволнованные маги, которые перестали медитировать, молча наблюдали за чудом, которое свершалось на их глазах. Неземной свет звезды был голубоватым, а ее лучи сфокусировались в одну точку. Нашупав лучами дорогу, звезда медленно двинулась по направлению к Вифлеему. Маги подхватились, сели на верблюдов и поторопились вслед за ней.

Они не могли видеть, как шпионы Халафты – лучшие из лучших (их называли Невидимыми), которые все это время следили за магами и которых не смог заметить даже Мелхиседек – замерли на месте и как замороженные усталились на невиданное чудо. Их ноги словно приросли к земле. А когда звезда погасла, ими овладел глубокий сон, который длился почти до обеда.

Звезда привела магов к двухэтажному дому и после яркой вспышки, на мгновение осветившей весь Вифлеем, стала удаляться от земли, пока не превратилась в одну из крохотных светящихся пылинок, усеявших весь небосвод. Удивительно, но несмотря на то что уже начала заниматься утренняя заря, улицы города оказались пустынными, словно все горожане вымерли. Даже многочисленные сторожевые псы не лаяли, когда маги вышагивали по узким улицам и переулкам Вифлеема.

Маги смущенно топтались на месте, не решаясь будить хозяев. Неожиданно раздался детский плач, и крохотное оконце на первом этаже осветилось. Маги удивленно переглянулись – судя по запаху навоза, нижний этаж приспособили под хлев.

У иудеев было принято иметь в доме небольшое количество домашнего скота, который обитал на первом этаже. Там же хранились запасы еды, корм для животных и орудия труда. Часто на первом этаже находилась кухня и даже столовая. Семейные спальни всегда располагались на втором этаже, называемом верхним жильем (гостиницей). Находясь в доме, животные были защищены от воров; кроме того, теплом своих тел они поддерживали температуру в доме в холодные ночи.

Но почему святое семейство ночует не в верхнем жилье? Ответ на этот вопрос нашел Мелхиседек:

– В Иудее сейчас идет перепись населения, – объяснил маг. – Похоже, родители Саошианта живут в другом месте. Но в связи с переписью они должны явиться в родные места. Видимо, дом уже переполнен прибывшими для прохождения переписи родственниками, поэтому в гостевых комнатах святому семейству и не нашлось места. Скорее всего верхнее жилье заняли родственники, старшие по возрасту и общественному положению.

Маги постучали в низкую дверь. Спустя какое-то время она отворилась и на пороге появился уже немолодой мужчина. В руках он держал жировой светильник, пламя которого высвечивало седины в его бороде. Позади него виднелась загородка с овцами и козами; их глаза светились, как много маленьких лун. Увидев, КТО перед ним, мужчина хотел пасть на колени, но быстрый Гатаспа подхватил его и заставил принять вертикальное положение.

Нужно сказать, что маги успели переодеться. Они сбросили запыленные темные одежды и надели на себя расшитые жемчугом и драгоценными камнями дорогие плащи, приличествующие их сану. На Мелхиседеке был темно-зеленый бархатный плащ с желтым шелковым подбоем, на Вифисарии – белый, а Гатаспа щеголял в алом, как кровь, плаще,

отороченном по краям золотой бахромой. Свои фригийские колпаки, уместные для путешествий, маги заменили на небольшие золотые венцы, напоминавшие короны. Это был знак того, что они принадлежат к Посвященным Главного Круга.

Маги вошли в помещение. Младенца успели покормить, он уже не плакал, а улыбался. От него исходило свечение, но этого никто не видел, кроме магов. Взволнованные до глубины души Мелхиседек, Вифисарий и Гатаспа приблизились к матери, которая держала дитя на руках, и пали ниц...

Вечером того же дня Святое семейство – Мария с младенцем и Иосиф – уже находились далеко от Вифлеема. Старший из магов, седобородый старец (семейство приняло их за восточных царей), посоветовал немедленно уйти из Вифлеема. Он сказал, что оставаться в городе для их семьи опасно, потому что царь Ирод может покуситься на жизнь младенца, и лучше бы им вовсе покинуть Иудею и отправиться в Египет; там их приютят и дадут угол, где можно будет какое-то время пожить.

Обрадованный дорогим дарам магов, Иосиф пропустил его слова мимо ушей, но Мария запомнила их накрепко. Они собрались и отправились в дальний путь сразу после завтрака; так настояла Мария. У Иосифа было мало денег, но он не стал экономить, помня про дары, и купил ослика, чтобы не тащить на себе все пожитки. Они шли и не видели, что высоко в небе над ними кружит орел, который сопровождал их от самого Вифлеема...

Тем временем во дворце Ирода царил переполох. Царь неистовствовал уже битый час, и придворные в ужасе прятались по укромным углам – в таком состоянии Ирод мог отправить на плаху кого угодно за любую мелочь. Но основные громы и молнии он метал в начальника тайной стражи. Халафта стоял перед ним ни жив ни мертв; он уже попрощался с жизнью и молил богов лишь об одном – чтобы его не мучили, а просто отрубили голову.

– ...Предатели, мерзавцы! – вопил Ирод, брызжа слюной. – Все твои Невидимые – полное дерьмо! Как они могли упустить магов?! Как, я тебя спрашиваю?! О-о боги, везде измена... измена! Каленым железом выжечь эту скверну! Выжечь, выжечь!..

Он схватил со стола чашу с неразбавленным фалернским* вином и выпил ее до дна, не переводя дух. Ароматная влага охладила внутренности царя и острая боль от разыгравшейся язвы притупила свое жало, терзавшее Ирода с того момента, как ему донесли о бегстве магов.

– Ты еще здесь?! – напустился он на Халафту. – Отыскать магов и доставить их в Ершлаим живыми или мертвыми! Нет, живыми! Они обманули меня! У них нет ни чести, ни совести! Я хочу посмотреть в глаза магам перед тем, как палач вырвет их лживые языки! Поди прочь!

– Слушаюсь и повинуюсь... – Все еще не веря, что отделался лишь испугом, Халафта, не поднимая головы и не поворачиваясь, попятился к выходу, благо он был недалеко.

– Нет, стой! – окликнул его Ирод. – Как я понял, и с младенцем Машиахом у тебя ничего не вышло.

– Мои подчиненные рассказывают невероятные вещи...

– Еще бы им не рассказывать. Проворонили... негодяи! Но это дело поправимое. Возьмешь отряд наемников, посулишь им большую награду, и пусть они убьют в Вифлееме всех младенцев возрастом до двух лет. Всех! Среди них точно будет Машиаф... скорее всего лже-Машиаф. Но лишняя предосторожность не помешает.

Халафта, ожидавший от царя чего угодно, невольно отшатнулся. Убить младенцев?! За такой грех иудеи проклянут не только самого Ирода, но и всех исполнителей кровавого действия. Халафта не боялся мести иудейского бога, у него были свои боги, но и они вряд ли одобряют избиение младенцев.

– Повелитель, люди могут восстать... – сказал он робко.

– Это не страшно. Возьми не сотню наемников, а две. А с восставшими, если они появятся, пусть разбирается прокуратор Иудеи. Это его задача. Будьте с людьми пожестче, и они не осмелятся взяться за оружие. Люди по своей природе трусливы и эгоистичны. Все, все, уходи! И за дело, за дело!

Халафта ушел. Ирод выпил еще одну чашу фалерно и, немного помыкавшись в полном одиночестве в своих богатых покоех, решительно направился в мавзолей Мариаммы. Вскоре оттуда раздались стенания и плач.

Над Ершалаимом распластала свои огромные крылья темная ночь...

* * *

Прошло немногим более тридцати лет. Шестнадцатого числа месяца нисана* Гай Кассий, центурион* Десятого Восточного легиона, которому император Октавиан за победу в абордажном бою с флотом Помпея присвоил звучное имя «Fretensis» – «Сокрушительный», стоял вместе с воинами своей центурии в оцеплении. Зимним лагерем и штаб-квартирой легиона считался город Кирра, но в Иудее неожиданно начались волнения, и четыре центурии Десятого легиона направили в помощь прокуратору Иудеи Понтию Пилату.

Гай Кассий был видным мужчиной и отважным воином. Свидетельством тому служили не только шрамы на его лице, но и фалеры* на широкой груди, а также серебряный знак на шлеме в виде атакующего вепря – символа легиона. Во время подавления восстания фракийцев тогда еще совсем молодой Гай Кассий стал декурионом, а спустя всего год, когда легион дрался с восставшими галлами из племен эдучев и тревиров, он получил золотой венок за то, что первым поднялся на стены при взятии крепости, и его назначили центурионом.

Но не только своими военными заслугами Гай Кассий стал известен в Десятом «Сокрушительном» легионе. Главной его отличительной чертой и объектом зависти многих легионеров являлось великолепное копье лонхе, которое Гай Кассий получил в наследство от своего отца, Авла Кассия. Он все-таки дослужился до центуриона и по окончании службы получил большой земельный надел, на котором за десять последующих лет построил просторный дом, завел большое хозяйство и произвел на свет сына Гая и троих дочерей.

Копье служило талисманом центурии Гая Кассия. В битвах оно спасло жизни многим legionарам – центурия воевала почти без людских потерь. Legionеры быстро смекнули, что копье нового центуриона имеет уникальные свойства, поэтому старались лишнего не болтать, чтобы на лонхе не положил взгляд какой-нибудь трибун* или даже сам легат. Вскоре Гай Кассий получил прозвище Лонгин (Копейщик), чем очень гордился – такая добавка к родовому имени дорогого стоила. Подобные прозвища в военной среде получали только выдающиеся личности.

Опершись на свое знаменитое копье, Гай Кассий Лонгин без особого интереса наблюдал за процессией, которая поднималась на Голгофу – Лысую гору, место, где обычно казнили преступников. Новый прокуратор, Понтий Пилат, правил Иудеей железной рукой; не отличался мягкосердечием и первосвященник, Иосиф бар Каифа, получивший власть и влияние благодаря браку с дочерью Аннаса, главы клана первосвященников. Поэтому казни совершались часто и участие в них legionеров было для римлян рутинным занятием.

Хуже всех приходилось человеку в терновом венце: он тащил на себе тяжелую крестообразную перекладину, на которой его должны распять. Этого несчастного били прутьями не только legionеры из конвоя, но и иудеи; на Голгофе их собралось чересчур много, и Гай Кассий уже подумывал с опаской: не разогнать ли всю эту толпу? А то, неровен час, взбунтуются, как уже случалось во время казней, и придется тогда проливать кровь, чего ему очень не хотелось – больно уж утро выдалось хорошим.

Легкий ветерок охлаждал лицо центуриона, он с наслаждением втягивал в себя свежий воздух, который пах дождем. «Наверное, где-то неподалеку от Ершалаима идет сильная гроза», – подумал Гай Кассий. Казнь уже давно свершилась, однако оцепление не снимали – преступники должны мучиться как можно дольше.

Бросив безразличный взгляд на легионеров, которые, согласно обычаю, разыгрывали в кости одежду казненных (среди солдат бытовало поверье, что такие вещи оберегают в битвах, служат своего рода талисманами), центурион подошел к распятым преступникам, чтобы проверить, живы ли еще они. Ему надоело торчать на солнцепеке, тем более что в казармах его центурию ждало щедрое угощение и охлажденное вино, присланное самим первосвященником Каифой, как благодарность за службу.

Гай Кассий знал имена преступников – писец прокуратора передал ему список осужденных еще вчера вечером. Но интерес у центуриона вызывал только один из них – Иешуа Га-Ноцри. Это его так усердно истязали зеваки и легионеры.

«Но за что, почему? Что сделал дурного этот несчастный?» – думал Гай Кассий Лонгин. Двое остальных – это воры и убийцы, Лысая гора – для них самое место. Но Иешуа из Назарета был всего лишь безобидным проповедником. Центурион имел возможность наблюдать таких записных говорунов на базарах Ершалаима почти каждый день.

Га-Ноцри открыл глаза и посмотрел на Гая Кассия. В его глазах было столько муки, что центуриону стало не по себе. Центурион не считал себя чересчур чувствительным человеком, скорее наоборот, – воинская служба не располагает к сентиментам. Гай Кассий Лонгин временами был не просто жестким, а жестоким; даже с подчиненными. Его не только уважали, но и побаивались. А уж кровь и вовсе вызывала в нем не больше эмоций, чем обычная вода.

И тем не менее на сей раз взгляд распятого проповедника неожиданно пробил толстую кожу центуриона, вызвав в его огрубевшей душе странное чувство, отдаленно напоминавшее обычную человеческую жалость. В этот момент копьё, которое он держал в руке, тихо завибрировало. Так случалось всегда, когда Гай Кассий бросался в атаку. Когда это проявилось в первый раз, он испугался и хотел даже избавиться от копья. Но оно было таким красивым и прочным, так удобно лежало в руке, так молниеносно и точно разило врагов, что Гай Кассий не нашел в себе силы продать подарок отца.

Конечно же, об этом свойстве копья он не рассказал никому – боялся насмешек. Но с той поры начал относиться к нему как к живому, одушевленному существу; даже иногда разговаривал с копьем, когда его никто не видел и не слышал. А уж ухаживал за ним с неменьшим рвением, чем воин сирийской алы за своим арабским скакуном.

Решение пришло внезапно, словно его кто-то нашептал центуриону на ухо. По истечении определенного времени, если казненный был еще жив, ему сначала перебивали мотом ноги, а потом умертвляли. Га-Ноцри тоже предстояла такая жестокая процедура. «ОН БОЛЬШЕ НЕ ДОЛЖЕН СТРАДАТЬ!» – раздался в голове Гая Кассия Лонгина чей-то незнакомый властный голос. И центурион, оглянувшись на своих подчиненных, которые не знали, чем заняться от скуки, и которым все было безразлично, недрогнувшей рукой уколол копьем, буквально рвавшимся из рук, прямо в сердце Иешуа Га-Ноцри.

Раздался тихий стон, а за ним что-то, похожее на вздох облегчения. Из раны хлынула кровь, обагрившая наконечник копья, но текла она недолго. И сразу же на Голгофу обрушился сильный порыв ветра и раздался грозовой раскат, да такой сильный, что дрогнула земля. Гай Кассий посмотрел на небо и мысленно пожалел, что не взял свой воинский плащ, – на Ершалаим надвигалась черная грозовая туча, которую кромсали кривые лезвия молний...

В казарме было шумно. Промокшие до нитки легионеры – гроза застала их на пути к казармам, раздевшись почти донага, сушили свое облачение и предавались возлияниям,

благо Каифа расщедрился на целую амфору доброго виноградного вина. Гай Кассий Лонгин, испив две чаши, уединился и занялся своим любимым копьем. Он с рвением протирал куском холстины наконечник копья, стараясь вернуть ему прежний блеск.

Однако или светильник, возле которого примостился центурион, давал мало света (в казарме было темновато), или его снова начали подводить глаза (в последнее время Гай Кассий стал совсем плохо видеть; он начал бояться, что совсем ослепнет и тогда ему придется оставить воинскую службу, а это было бы плохо – должность центуриона позволяла скопить немного денег), но наконечник, ранее сверкавший как живое серебро, потемнел, стал похожим на обсидиановое стекло. На его поверхности остались лишь тонкие светлые линии замысловатого рисунка, подтверждавшие, что наконечник сработан из стали «дамаск».

Глаза центуриона заплывали, предметы начали двоиться, и раздраженный Гай Кассий начал протирать их куском холстины с пятнами крови казненного Иешуа Га-Ноцри, которым ухаживал за наконечником копья. Когда он закончил это занятие и поморгал несколько раз веками, то почувствовал, как сильный жар ударил ему в голову – он видел, как в молодые годы!!!

Не веря своим первоначальным ощущениям, Гай Кассий Лонгин выбежал из казармы и посмотрел на Ершалаим. Гроза давно ушла, грязные потоки дождевой воды схлынули, и на чисто отмытый город уже начал опускаться тихий вечер. Центурион видел освещенные закатным солнцем дома так ясно, словно они были нарисованы красками на тончайшем пергаменте, находившемся на расстоянии вытянутой руки. Гай Кассий различал и голубей, сидевших на карнизах домов.

Да что голуби! Центурион разглядел даже достоинство серебряных и золотых монет, составлявших ожерелье, украшавшее высокую грудь красивой девушки, которая шла в сопровождении матроны по площади.

Нет, это был не сон и не наваждение. Он излечился!!! И Гай Кассий Лонгин понял, КТО был тот лекарь, который вернул ему зрение. Это открытие сразило его, будто удар молнии, и открыло ему ИСТИНУ. Центурион упал на колени, с благоговением прижав к губам холстину с пятнами крови Иешуа Га-Ноцри, и, обратив свой острый взор на видневшуюся макушку Лысой горы, прошептал: «Святой, святой... Воистину Сын Божий!».

Глава 1

Купец Трифон Коробейников

Зима 1582 года в Москве выдалась на удивление солнечной. Морозец, конечно, щипал за щеки и заползал за ворот зипуна, но от этой малой неприятности легко было избавиться при помощи доброй чаши горячего сбитня*. Стоит лишь зайти на Варварку* – и десятки сбитенщиков, квасников, саечников, пирожников, гречевников, блинников и харчевников любого напоят и накормят до отвала.

Наступило Рождество Христово. Обычно для празднования Рождества московские купцы собирались семьями. Семья, чей дом выбирали для празднования Рождества, должна была быть богатой и гостеприимной. Быть «избранным» для московского купца считалось большой честью. В этом году подфартило купцу Трифону Коробейникову. Он имел две соединенные полные лавки* в Китай-городе на бойком месте (такое расположение дорогого стоило), три шалаша и десяток торговых «скамей».

Купцы у Трифона собирались знатные. Один Василий Позняков чего стоил! В 1558 году вместе с архидиаконом новгородской Софийской церкви Геннадием, Дорофеем Смольнянином, Кузьмой Салтановым и своим сыном он был послан царем Иоанном Васильевичем в Александрию, Иерусалим, Царьград и на Синай. Трифон сильно завидовал Василию; он многое отдал бы за возможность поклониться святым местам.

А еще оказали честь Трифону купцы Степан Твердилов и Федот Погорелов. В 1568 году государь послал их в Англию, к королеве Елизавете, чтобы установить торговые отношения с европейскими странами. Степан и Федот поручение исполнили успешно, о чем свидетельствовало письмо королевы Елизаветы к Иоанну Васильевичу, где она писала, что из дружбы к царю дозволит русским купцам свободно поправлять свои торговые дела в Англии.

Поспел к Рождеству и Юрий Грек, которого Трифон очень привечал. Купец еще был молод, но у него умерла при первых родах жена, поэтому Коробейниковы питали небезосновательную надежду, что Юрий предложит руку и сердце их старшей дочери. Грек недавно привел обоз из Астрахани, где завязал деловые отношения с персидскими купцами. Юрий имел склонность к иноземным языкам и знал их даже больше, чем Трифон, – семь, в том числе турецкий и арабский.

Но главной фигурой среди честного общества, конечно же, являлся «гость»* Иван Михайлович Мишенин, убеленный сединой, но еще крепкий жилистый старик. Он прибыл отмечать Рождество не только с детьми, но и с внуками. (Остальные приглашенные купцы – кроме еще одного уважаемого «гостя», Василия Познякова, были представителями «гостинной» и «суконной» сотен.) Мишенин побывал даже в Китае, чем очень гордился, и уж неизвестно в какой раз повторял свои бесконечные сказки о стране шелка и огнедышащих драконов.

* * *

Задолго до праздника жена Трифона нанесла визиты всем родным, близким и купцам, приглашая молодых и старых мужчин и женщин. Каждого будущего гостя, согласно традиции, она называла по имени и обращалась к нему с почтительной речью; эти слова передавались из поколения в поколение. На следующий день те же дома посетила бабка-позыватка: она уже приглашала молодых девушек – «красных девиц».

Первый праздничный вечер в доме Трифона Коробейникова посвящался, согласно старинному обычаю, приему красных девиц. В дом гостеприимных хозяев каждую девушку

сопровождал длинный санный поезд. В первых санях обычно располагались мать и дочь, а в ногах у барышни сидела любимая компаньонка – бедная девушка низшего сословия. Вторые сани предназначались для горничных; они везли ларцы с драгоценностями, всяческие сладости, пирожки и подарки для прислуги хозяев. За ними ехали друзья, родственники и слуги.

Может, Трифон и его супруга так и не суетились бы с приглашением гостей, но они имели двух дочерей на выданье, а когда же и где искать для них суженых, как не на праздновании Рождества Христова. Московское купечество для пользы дела старалось не только дружить семьями, но и родниться.

Утром в доме Трифона царили бестолковая суeta и переполох. Нянюшки встали с петухами, чтобы приготовить красным девицам утренний напиток – смесь вина, пива и меда с пряностями. А поскольку остальные слуги тоже прикладываются к нему без ограничений, – в этот день разрешается пить вволю – им уже было непросто должным образом исполнять поручения, которые в изобилии давала им хозяйка. Но самих красных девиц никто не беспокоил, пока колокол не зазвонил к обеду. Заслышав его, жена Трифона (опять-таки согласно традиции) громко провозгласила: «Пора, пора, красные девицы, вставать! Ваши суженые давным-давно встали, три овина обмолотили, на двух базарах побывали, трех свиней продали, на вороных конях проезжали, своих суженых искали. Вставайте, вставайте! Расскажите, что снилось, что во сне виделось?»

К вечеру следующего дня собрались остальные гости. Трифон встречал их у ворот, жена ожидала в дверях, а девицы – в сенях. После приветствий и поклонов гостей рассадили в большой зале, которая вмещала двести человек. Место каждому гостю Трифон выбирал весьма тщательно. Тех, к кому был особый почет, он посадил в красном углу. Богатым старым холостякам определил место у правой стены вместе с пожилыми дамами не из самых видных семей. Молодых замужних женщин разместил у левой стены; они должны были соблюдать строгое молчание. Чем степеннее они держались, тем больше восхищения вызывали; матери и свекрови, мужья и братья – все гордились их благовоспитанностью.

Суженых, напротив, Трифон рассадил кучками по углам; они беседовали весело, но полупшепотом, поскольку шумная радость считалась нарушением приличий и неуважением к старшим. Последние, в свою очередь, не мешали молодежи забавляться и не прерывали их разговоры.

Королевой вечера избрали жену Федота, русоволосую Варвару. Она была на пятнадцать лет моложе мужа, пышная, белолицая, с румянцем во всю щеку и с губами, как созревшая малина. Мишенин лишь только тоскливо крикнул, когда Варвару с массой церемоний провели мимо него на почетное место, и бросил косой взгляд на свою старуху, затянутую в бесценные китайские шелка, которая была засушена, как вяленая тарань. Выпив лишку, Иван Михайлович жаловался приятелям: «Кормлю ее, как царицу. И все впустую. Залазит на полати – костями гремит. Знать, не в коня корм...».

Праздничный стол ломился от изобилия яств. Обязательный студень, которым всегда начинался пир, соседствовал с окороком, копченое сало – с запеченным бараньим боком, гусь с яблоками глядел на утку с капустой, рядом на серебряных блюдах мирно уживались жареные на углях куры, тетерева, куропатки и рябчики, лежали солонина с чесноком и пряностями, гусиные потроха, вяленая свинина, говядина и лосятина, молочный поросенок, запеченный на вертеле...

А уж рыбы-то было, рыбы! И соленой, и копченой, и заливной, и запеченной в печи. Рыба не только с Волги-матушки, которая стоила дороже дичи, но и с самых отдаленных мест государства Российского. Трифон расстарался купить рыбу просто громадных размеров, потому как считалось, что чем она крупнее и чем больше ее на столе, тем выше почет гостям. Астраханский балык, кольская семга, сибирская нельма и белорыбца, кавказская шемая, байкальский омуль, а еще на закуску черная уральская икра – паюсная и зернистая...

Но царицей рыбьего царства, конечно же, считалась приготовленная по-особому «троя-рыба». Она готовилась только для праздничного стола и несла особую символическую нагрузку. Блюдо из осетра, судака и щуки символизировало триединого Бога – Отца, Сына и Святого Духа. Тельное (рыба без костей) из судака укладывалось в тельное из щуки, а уже оно – в тельное из осетра.

«Троя-рыба» была так называемым «опричным блюдом» и лежала на золотом подносе перед главой семейства. Трифон лично разрезал ее на кусочки, раскладывал по серебряным тарелкам и передавал главным гостям – отцам семейств – как знак большого к ним уважения. Ставя перед купцами тарелки с «троя-рыбой», слуга низко кланялся и говорил: «Чтоб тебе, милостивый сударь, кушать на здоровье».

Далее шли пироги с разнообразной начинкой, сочиво, кутья, блины, сладкие коврижки, пукаты, коломенская яблочная пастила, пряники, медовики, разнообразные варенья, притом не только из ягод, но и из некоторых овощей (морковь с медом и имбирем, редька в патоке), леденцы с пряностями, левишники, приготовленные из тщательно протертых ягод брусники, черники и земляники и высушенные на солнце, свежие фрукты – виноград, яблоки, инжир, урюк, заморские лимоны, орехи лесные, кедровые и волошские.

Что касается напитков, то в этом вопросе Трифон Коробейников перешеголял самого Мишенина, у которого праздновали прошлое Рождество. А уж старый «гость» знал толк в заморских винах, да и домашние напитки у него были выше всяких похвал. На узорочной скатерти стояли бутылки романей*, бастры*, алкана* ренского*, фряжского*; братины с мёдами* ставлеными, хмельными и вареными: с медами красными – вишневым, малиновым и смородиновым мёдом, боярским малиновым; с белыми – мёдом паточным, сваренным с гвоздикой, и мёдом с кардамоном. Кроме того, гостям предлагались водка анисовая, водка с корицей, водка боярская, квас, сидр и пиво.

Праздничное застолье катило неторопливо, степенно, по давно заведенному порядку: сначала подали пироги, затем блюда из мяса, птицы и рыбы – жаркое, а уж потом, в конце обеда – супы (ушное). Из супов на стол поставили три разновидности ухи – белую (с луком), желтую (с шафраном) и черную (с корицей, гвоздикой и перцем). Была уха куриная, мясная, мневая (налимья), стерляжья и тройная «царская». Она варилась на курином бульоне, из разных рыб. Пескарь варился для клейкости, щука – для крепости, а карась и карп – для сладости наваара. Затем все это вынималось и закладывалась рыба благородная – стерлядь или белуга.

После супов шел десерт, но перед ним полагалось часок-другой отдохнуть. Женщины со своими тайнами уединились на женской половине, а мужчины облюбовали просторную горницу, которую, в принципе, можно было считать кабинетом, потому что в ней стояли шкафы с книгами – Трифон Коробейников слыл известным книгочеем. Книгами и рукописями торговали на мосту, перекинутом через ров от Спасских ворот Кремля, и Трифон хаживал туда часто. Кроме того, он привозил книги из своих поездок, а также заказывал купцам, которые ходили в Европу.

– ...Зрил я место в Чермном* море, где Моисей провел израильтян, а фараона погрузил в пучину со всем его войском, – увлеченно рассказывал седой, как лунь, Василий Позняков о своем путешествии в Иерусалим. – Сверху воды через все море двенадцать путей видно. Море синее, а дороги по нему белы лежат – издали видать. Опосля утопления воины фараоновы обратились рыбами, у тех рыб – главы человеческие. Тулова у них вовсе нет, токмо едины главы, а зубы и нос, как у людей. Там, где уши, – перья, а где затылок, там хвост. Никто эти рыбы не ловит и не ест.

– Ужель такие рыбы и впрямь водятся?! – удивлялись недоверчивые купцы, которые и сами много чего повидали.

– Вот вам крест! – перекрестился Позняков. – Рыбами стали и фараоновы кони. Но на конских рыбах конская шерсть, а кожа на них толста – на перст. Их ловят, кожи снимают, а тело выбрасывают. Из этих кож переды и подошвы подшивают. Воду те кожи не терпят, но когда сухо, их на год доброй носки хватает.

– Да-а, – протянул Степан Твердилов, – повезло тебе. В таких дальних палестинах побывал, Гробу Господню поклонился, много чудес повидал... А мы лишь королеву аглицкую лицезрели.

– Страшнее моей старухи... – буркнул Федот Погорелов. – Рыжая, конопатая, волосы в завитушках, а кожа белая, как у покойницы. Но бояр своих в руках держит, это точно. Только мигнет, даже слова не вымолвит, а к ней уже бегут, бородами полы метут...

– Был я и в приделе Неопалимой Купины в Преображенском храме, – продолжил свои «сказки» Василий. – Там в мраморный камень вделаны два камня великих, что опалила Неопалимая Купина. А входят люди в тот храм в великой чистоте, сняв свои ризы и постирав, или в новых ризах. Придя к церковным дверям, сапоги нужно снять с себя, а ноги вымыть и босыми пойти или в суконных чулках; а в кожаных входить нельзя. Если забудешь и не исполнишь этот обряд, войдешь в храм обутом, то наложат на тебя епитимью – четыре года босым ходить. На гору Синайскую восходил. Трудное занятие... Четырнадцать тыщ ступеней, и все каменные; с непривычки пока дойдешь, обратно вернуться нету сил. В Иордане купался... нырнул. Но дна не достал. Говорят, что глубина там будет около четырех сажен. В монастыре Синайском был. Водятся там птицы рябы, что куры наши, таковы велики. Те птицы послал Бог с небес израильтянам, когда они жили в Синайской пустыне сорок лет...

Изрядно нагрузившиеся спиртными напитками и разомлевшие от сытной еды купцы внимали рассказу Василия больше из вежливости и благопристойности, потому что эти «сказки» они уже слышали не единожды. Но вскоре Позняков устал и умолк, чтобы испить ковш квасу, и купцы сразу же переключились на тему, более близкую и злободневную для торгового люда.

– Дорофей Смольнянин просит поручительства по долгу, – озабоченно сказал Иван Михайлович. – Отсрочку ему дали на три года, теперь дело за мной... ежели соглашусь.

– А много ли он задолжал? – спросил Юрий Грек.

– Много. Семь тыщ целковых.

– Ух ты! – разом выдохнули купцы.

– Вот и я об этом... – Мишенин сокрушенно покачал головой. – Большие деньги... Однако же Дорофей всегда берег свою честь, поэтому сомневаться в нем не могу².

– Не надо было ему связываться с иудиним племенем, – с осуждением сказал Федот Погорелов. – Вместо того чтобы вести дела с купцом аглицким Джеромом Горсеем, Дорофей покусился на посулы берестейского купца Мордка. Вы знаете его, он в Литве дела ведет. Мордко обещался доставить в Москву медь и серебро и потребовал задаток. Дорофей, добрая душа, поверил ему, а обоз возьми и пропади. Мордко на колени падал, клялся, что лихие люди нападение учинили, металл и лошадей забрали, охрану и возчиков порубили, а его, раздев до исподнего, отпустили посреди заснеженного поля и начали ради жестокой забавы упражняться в стрельбе из лука по живой мишени. «Бог меня спас», – плакался Мордко. Будто бы сбежал он – сиганул в ярк и вскоре нашел зимовье, где обогрелся, нашел кое-какую одежонку и вышел на ям*. Но кто ж ему поверит? Тати в живых свидетелей не оставляют. Правда, Мордко мужик молодой, сильный, выносливый, все могло быть...

² В вопросах чести русские были весьма щепетильны. Она была неотделима от жизни человека, его имени и звания. Уже в средние века закон разделял понятия непредвиденных обстоятельств и злого умысла. Судебник Ивана III (1497 г.) позволял купцу, впавшему в несостоятельность в результате несчастного случая, платить займодавцу основную сумму долга без процентов. Тот же закон обрекал нерадивого торговца на холопство, если он долг свой пропьет или каким либо иным безумием погубит свой товар.

– Да-а, Дорофею не позавидуешь... – сказал купец из гостиной сотни Никита Кожемякин, свояк Трифона. – Брал бы пример с Григория Шорина. Он ходит в Англию через Архангельск самолично. Осенью привез девять половинок сукна, двести пятьдесят аршин* атласу, пятьдесят аршин красного бархата, золото, пряденое в мишуру, красную медь в досках и сто тыщ иголок. А на втором коче* двадцать медных колоколов и полтыщи стоп писчей бумаги.

– Откуда знашь? – заинтересованно спросил кто-то из купцов.

– Так ведь я с ним в доле, – расплылся в довольной улыбке Никита.

Купцы дружно закивали, тем самым отдав должное предприимчивости товарища. Один из них поинтересовался:

– А какой товар в Англию везли?

– То, что всегда: лен, пеньку, мед, воск, сало топленое, клей, рыбу, икру, а также юфть и весла.

– После праздников пойду к персам... – Степан Твердилов припал к кружке с холодным пивом и выпил до дна, не переводя дух. – Ух! Забористо... – погладил себя по круглому животу. – Повезу пищали*, топоры, ножи, моржовую кость и слюду. Там эти товары в цене. Кто хочет, приглашаю в кумпанство.

– А обратно што? – склонился к нему Никита, у которого после слов Степана загорелись глаза.

Трифон неодобрительно крикнул. Никита имел склонность к авантюрам – водил свои караваны в самые опасные места. Да, видно, ангел-хранитель у него сильный; из всех передряг Никита выходил без единой царапины и никогда не терял товар.

– Это как сговоримся с тамошним торговым людом. Хочу выменять на свой товар камку, атлас, бязь. Ковры нонче у нас в цене. Пряности разные, каменья драгоценные, ладан, москательных товаров надыть приобрести. Ну и, понятное дело, монет золотых и серебряных. Этот товар никогда не протухнет и не сгниет... – Степан ухмыльнулся. – Товар не объемистый, так что ватага выйдет небольшая, с ней легче будет управиться. Охрану дополнительную придется нанять – своих не хватит.

– Опасное дело... – заметил Иван Михайлович. – Ну да Бог в помощь.

В горницу вошла жена Трифона. Поклонившись обществу, она сказала:

– Приглашаем за стол. Милости просим...

Купцы дружно потянулись вслед за Иваном Михайловичем, который одет был, словно какой-нибудь боярин: полукафтанье из парчи, с золотыми пуговицами и козырем*, льняная рубаха расшита золотыми нитями и украшена жемчугом, на ногах красные сафьяновые сапоги, на руках золотые перстни с драгоценными камнями... Да и остальные были одеты ярко и богато в одежды из фландрского сукна, венецианского бархата, атласа и тафты. Некоторые щеголяли в расшитых серебряными нитями и бисером тафтях – тюбетейках. Моду на них ввел царь; даже в церкви ни он, ни его приближенные не снимали этот головной убор.

* * *

Праздничное застолье закончилось далеко за полночь. Понятное дело, никто даже не заикнулся о том, что надо бы ехать домой. Белые горницы у Коробейниковых просторны, всем места хватило; правда, постелили прямо на дощатом полу, укрыв его звериными шкурами. Уснули все дружно, даже молодые. За слюдяными окнами поскрипывал морозец, но в доме было тепло – Трифон недавно обзавелся новинкой, соорудил три каменные муравьиные печи. Это было дорогое удовольствие, особенно изразцы, но расходы себя оправдали – в любые холода хватало трех связок поленьев, чтобы обогреть не только хозяйскую половину дома, но и службы.

Трифон проснулся, как обычно, с первыми петухами. Все еще спали, даже дворня. На удивление, сна не было ни в одном глазу, хотя поспал он всего ничего, а идти по своим торговым делам не намеревался.

Третий день Святки получался одним из самых веселых и интересных: люди солидные катались на санях, посещали праздничные ярмарки, просто гуляли и веселились. По городу ходили толпы ряженных, на площадях затевали свои представления скоморохи, а молодежь строила снежные городки, чтобы потом их разрушить, взяв приступом, устраивала кулачные бои и вообще дурачилась от души, потому как на время рождественских праздников для них не существовало никаких запретов.

Купец накинул на плечи шубейку, вышел во двор, сладко потянулся и с удовольствием осмотрел свои хоромы. Они были новыми; Коробейников поставил их всего пять лет назад. Дом стоял в глубине двора, его окружал большой сад. Позади сада находился огород. На подворье располагались три просторных погреба, два ледника, конюшня на два десятка лошадей и большая людская изба, где жили конюхи, садовник, повар и другие слуги. Подворье было огорожено высоким дощатым забором с широкими воротами, оборудованными кровелькой, верей и полотнища которых украшала затейливая резьба и узоры из гвоздей с фигурными шляпками.

Дом состоял из нескольких срубов, пристроенных один к другому. Срубы стояли на высоких подклетьях – нижних помещениях, где располагались разные хозяйственные службы. Жилые комнаты с сенями и переходами располагались на втором этаже, куда вела затейливо украшенная лестница. Сени служили открытой парадной террасой, где в летнее время принимали гостей, а над жилыми комнатами – на втором этаже – располагались терема и светлицы для женской половины.

Не удержался Трифон и от постройки двух модных повалуш – высоких башенок в три этажа, внутренние помещения которых украсил росписью. Кровли (они стояли над всеми помещениями, даже над рундуком) были шатровыми, а на самом высоком шатре вертелся флюгер – кованный петушок. Причелины* дома, полотенца*, наличники окон и ставни украшала резьба.

«Хорошо-то как! – думал Трифон. – Морозец небольшой, небо чисто, прозрачно, зная, день будет солнечным. Хорошо... И дела – как торговые, так и домашние – идут не худо. Старший сын Матвей уже пристроен, дочерей скоро выдам замуж... с Божьей помощью, а при нас останутся двое младшеньких сынков – наша надежда и опора в старости. Но прежде чем отойду от дел, надо бы посетить Царьград и святые места... Грехов будто и немного, но кто ж на этой земле безгрешен? Прощение на выдачу проезжей грамоты я уже послал в княжеский приказ, да только долго ждать придется, судя по всему. Не хотелось бы, но надо кое-кому хорошую мзду дать... это понятно – не подмажешь, не поедешь. Эх, Русь! Денег не жалко, лишь бы они на пользу государства пошли. А так пропадут мои рубрики у дьяка в мошне; если не пропьет и не пустит по ветру бестолку, так в сундук спрячет или в землю зароет. Чтобы служивые не нашли, когда проворуется и к нему придут с обыском...».

Размышления купца прервал сильный стук в ворота. Он вздрогнул и побледнел. Так нахально могли стучать только государевы слуги. А их появление в праздник, когда весь православный люд отдыхает и веселится, ничего хорошего Трифону не сулило.

– Эй, хозяин, отворяй ворота! – раздался с улицы молодой, сильный голос. – Принимай гостей!

– Спит, поди, – отозвался другой.

– А мы его сейчас плеточкой со свинцовыми наконечниками разбудим, – сказал первый; за воротами дружно рассмеялись. – Эй, кто там, открывай, волчья сыть! – громыхнул он уже басом.

Трифон превозмог минутную слабость и с достоинством спросил в ответ:

– Кто шумит в столь ранний час? Уж не хитники ли какие?

Трифон погрешил против истины – он не боялся хитников. В те далекие времена купцы, ко всему прочему, были еще и добрыми воинами. Купец в равной мере владел и веслом и мечом; он был настолько же опытен в торге, как и в ратном деле. Трифону не раз приходилось сражаться с разбойниками; Бог не обидел его ни силой, ни статью, ни военной сноровкой.

Громкий уверенный голос купца словно отрезвил забубенных всадников (они были на лошадях, Трифон слышал, как животные пофыркивали), и ему ответили уже гораздо тише и более уважительно:

– Государево дело к купцу Трифону Коробейникову.

– Погодите, закрою псов...

Сторожевые псы, огромные лохматые зверюги, которые легко могли загрызть матерого волка, заходясь в злобном лае, бросались на ворота. Из людской выскочил кто-то из дворовых и посадил псов на цепь. Тем временем конюх открыл полотнища, и во двор въехали три всадника. Трифон присмотрелся к ним и похолодел. Это были кромешники – самые доверенные и самые жестокие служивые из окружения царя.

Разогнав опричнину, Иоанн Васильевич создал тайный орден кромешников, членов которого считали исчадиями ада. Действовали они в основном скрытно, но их можно было узнать по черной полумонашеской одежде и бляхе в виде оскаленной волчьей пасти, которая висела на груди; обычно кромешники прятали ее под платье.

Однако на этот раз бляху выставили напоказ. Она висела на широкой груди кудрявого русого молодца – его черный кафтан безо всяких украшений и с оловянными пуговицами был расстегнут. Похоже, этой троице и мороз – не мороз, и зима в забаву; скорее всего они гуляли всю ночь и приехали к Трифону изрядно хмельными.

Трифон поклонился всадникам и сказал:

– По здорову будете. Не желаете ли испить чашу доброго вина в честь святого праздника Рождества Христова и откусать, чем Бог послал?

– Недосуг нам, купец, – на удивление сдержанно ответил русоголовый кромешник. – Собирайся, великий князь зовет. Мы обождем здесь.

Коробейников молча кивнул и поторопился в свою горницу, чтобы одеться достойно. Он узнал кромешника (собственно говоря, кромешник тоже узнал купца, так как они прежде встречались, и не раз); это был Григорий Елчанинов, один из самых доверенных людей государя. Послав к купцу Елчанинова, царь тем самым продемонстрировал важность поручения. Но вот в чем заключалась его суть – это вопрос отнюдь не праздный.

«Или обвинят в государственной измене и пошлют на дыбу, – с тоскливым предчувствием думал купец, с лихорадочной скоростью натягивая на себя дорогое платье, – или наградят. Награды я пока не заслужил... но ведь и в измене не замечен! Правда, наш великий князь может и невинного бросить в темницу или казнить... – Тут Трифон невольно оглянулся, словно кто мог подслушать его мысли. – Выбрось дурное из головы! – рассердился купец. – Чему быть, того не миновать».

Трифон Коробейников шел (вернее, не шел, а его вели едва не под руки двое рынд*, которым Елчанинов сдал купца на лестнице перед входом) по кремлевским палатам, и диву давался. Простые лавки возле стен, липовые крашенные столы, деревянная утварь и посуда... А под ногами вытертые коврики, которые Трифон постыдился бы постелить даже в людской. И это в святой праздник!

Купец помнил Кремль совсем другим. В 1570 году Коробейников и еще несколько известных купцов были приглашены на пир по случаю взятия Новгорода. Когда гости проходили по комнатам и переходам царского дворца, то им показалось, что они попали в царство волшебных сказок. Прекрасные и диковинные изделия Запада и Востока, расшитые шелка,

драгоценные камни-самоцветы, серебряные бочки, енды и братины – работы суздальских, новгородских, тверских, ростовских мастеров; соболя, золотые пояса, яхонтовые ожерелья, жемчужины, добываемые на северных реках, – все это великолепие поразило издавших виды купцов до глубины души.

Но особенно впечатлил их царский трон. Он был сделан из чистого золота, вышиною в три локтя, под балдахином из четырех щитов, крестообразно составленных, с круглым шаром, на котором стоял орел. От щитов по двум колоннам, поддерживавших балдахин, свисали кисти из жемчуга и драгоценных камней, в числе которых был топаз величиной больше волошского ореха. Колонны стояли на двух лежавших серебряных львах величиною с волка. На двух золотых подсвечниках стояли грифы, касаясь колонн. К трону вели три ступени, покрытые золотой парчой, возле которых стояли рынды.

Каждый рында был одет в ферязь* белого цвета из атласа с горностаевой опушкой и петлицами из серебряных шнуров. Из-под ферязи виднелся белый стоячий воротник-козырь, шитый жемчугом. На ногах у рынд красовались белые сафьяновые сапоги очень дорогой выделки, на головах – белые песцовые шапки, а поверх – две золотые цепи, перекрещивавшиеся на груди. В руках рынды держали небольшие топоры. При виде этих юных молодцев Трифон впервые пожалел, что он незнатного происхождения и что его сын, тоже не обделенный ни красотой, ни статью, никогда не сможет вот так стоять возле царского трона.

На пиру Коробейников старался как можно незаметней приглядеться к грозному великому князю, о котором немало разных слухов бродило по Москве. Иоанн Васильевич сидел отдельно, в атласном облачении, в золотой на горностаеях мантии, унизанной жемчугами, в пурпурных сафьяновых сапогах. В руке он держал серебряный кубок, украшенный чеканными изображениями разных трав и зорко вглядывался в лица пировавших.

Когда его взгляд останавливался на Трифоне, купец чувствовал сильнейшее сердцебиение, а рука, в которой он держал трапезный нож, начинала предательски дрожать. Царь был крепок телом, румян, весел, а его глаза сверкали, как два дивных самоцвета...

Воспоминания купца прервал любимчик царя, Богдан Бельский. Он встретил рынду у двери царской опочивальни и одним движением густых черных бровей отослал их прочь. Бельский был угрюм и на удивление неряшливо одет. Трифону уже приходилось общаться с наперсником великого князя, у них даже сложились вполне доверительные отношения – Бельский умел расположить к своей персоне не только государя, но и людей подлого звания. Общительный и улыбчивый, он казался наивным простаком, но это было далеко не так.

Будучи незнатным дворянином, Бельский, благодаря родству с Малютой Скуратовым, в 1571 году стал рындой. Вскоре приобрел расположение царя и стал ближайшим к нему лицом, телохранителем; он и спал с государем в одной комнате. Царь не создал любимцу высокого официального положения; даже за Ливонский поход 1577 года, когда Бельский своими действиями заставил сдать одну из важнейших крепостей – Вольмар, он получил всего лишь португальский золотой и золотую цепь. В 1578 году Бельский стал оружничим и выше не поднялся.

Однако на самом деле умный, энергичный и властолюбивый Бельский был временщиком*. Иоанн Васильевич поручал ему разные интимные дела, в его заведовании находились собранные отовсюду по случаю появления кометы гадалышки, которые, как это ни прискорбно, предсказывали скорую смерть царя. Но из наиболее влиятельных бояр Бельскому покровительствовал лишь его свойственник, Борис Годунов. Бояре боялись и ненавидели выскочку, который мог одним своим словом, шепнув его на ухо царю, отправить любого из них в пыточный подвал.

– Обожди немного... – сумрачно сказал Бельский купцу и исчез за дверью.

Дверь он притворил неплотно, из опочивальни доносился голос царя, и Трифон прислушался.

– ...Тело мое изнеможе, болеет дух, струпии телесныя и душевна умножаются... За что, Господи?! Знаю, знаю, за что... Пес я смердящий, вечно в пьянстве, в блуде, скверне, убийствах, грабежах, ненависти. Пес, пес!..

Послышались звуки, похожие на рыдание. Смущенный купец отошел от двери и стал терпеливо дожидаться появления Бельского. Он уже немного успокоился – аудиенция в царской опочивальне не предполагала печальных последствий. Правда, переменчивый характер Великого князя Московского и его способность беситься непонятно от чего все же заставляли сердце купца сжиматься от неясных мрачных предчувствий.

Бельский пригласил Трифона к царю лишь спустя полчаса. «Что с ним случилось?!» – ужаснулся про себя купец при виде Иоанна Васильевича, когда его ввели в царскую опочивальню. Но виду не подал, а упал на колени и начал истово бить поклоны, будто в церкви. Трифон чувствовал, что немного перегнул палку, но, зная о гневливом характере великого князя, решил перестраховаться.

– Встань, – приказал царь и недовольно покривился. – Оставим церемонии для парадных приемов. Я пригласил тебя для важного делового разговора...

Он сидел на постели, прислонившись к горе подушек. На царе поверх белья был накинут синий шелковый халат с вышитыми золотой нитью райскими птицами. Его исхудалое лицо было землистого цвета, а на выглядывавших из рукавов халата руках виднелись язвы. В углу опочивальни перед образами курилась большая лампада с ароматическим маслом, но даже сильный запах ладана и еще каких-то трав не мог перебить отвратительную вонь от разлагающегося тела.

Трифону сказывали, что царь болен, и что он может ходить лишь с поддержкой. Но перед купцом находился не просто больной человек, а полная развалина. Иоанна Васильевича невозможно было узнать, если бы не его страшные глаза, которые по-прежнему сверкали остро и жалили беспощадно.

– Знаю, что ты подал челобитную на поездку в Царьград и Иерусалим, – сказал царь. – Что ж, поклониться святым местам – это праведное дело. Считаю, что проезжую грамоту ты уже получил. Но это не все. Я хочу, чтобы ты исполнил мое поручение. Нужно отвезти милостыню об упокоении невинно убиенных душ в Царьград и на Афонскую гору. Деньги предназначены патриарху цареградскому Иеремии и патриарху александрийскому Сильвестру...

Наверное, царю стало дурно, потому что он откинулся на подушки и вовсе позеленел. Бельский быстро схватил кубок с целебным настоем трав и напоил Иоанна Васильевича. Царь перевел дух и продолжил:

– Это будет не просто поездка частного лица, а посольство российское к единоверцам. Во главе его станет купец Мишенин. Он знает восточные языки, кроме того, у него большой опыт хождения за три моря. В Царьграде вы разделитесь: Мишенин отправится на Афон, а ты останешься в турецкой столице. Почему снаряжаем посольство, а не обычный купеческий караван? Вам нужна будет сильная охрана и соответствующий статус.

При этих словах царь сделал паузу и вонзил свои страшные глазищи, казалось, прямо в душу Трифона, а затем продолжил:

– Хочешь спросить, почему Мишенину достался Афон, а тебе Царьград? Что ж, пора подойти к главному. Богданко, дай письмо!

Бельский принес кусок невзрачного с виду пергамента; похоже, его скоблили для написания текстов не раз и не два. Держа письмо в руках, Иоанн Васильевич начал проникновенно говорить:

– Видишь, Трифон, в каком я состоянии? Болезни одолели... Волхвы смерть скорую пророчествуют. Ну, на то воля Божья... Ни врачи иноземные, ни наши знахари помочь мне не могут. Лишь страдания облегчают. Но вот получил я из Святой земли надежду. Пишет чело-

век, который немало сделал для Российского государства. Я верю ему. Будто бы сыскал он в Святой земле Копье, которым поражен был Христос. Сила у этого Копья большая, любые болезни лечит, с ним можно и в огонь, и в воду, всегда выручит. Копье сие можно выкупить у владельца, тот ему доверяет. Но сам привезти копье в Москву этот человек не в состоянии. Путь не близок, а груз чересчур тяжок, чтобы взвалить его на плечи одного, притом немолодого, человека. Времена нонче смутные, если узнают разбойники или хитники о Копье – не жить путешественнику. Поэтому Копье привезешь ты. Мишенин слишком стар для такого дела. Мало ли что может случиться в дороге... В Царьграде тебя будет ждать посредник. С ним все и обговорите. Копье, если оно и впрямь существует, нужно купить за любые деньги. Слышишь – за любые! А теперь... иди с Богом. Устал я... Нет погоды! – Царь на несколько секунд прикрыл глаза, а затем сказал: – О Копье никому ни слова. Даже Мишенину! Сболтнешь лишку – язык вырву. Можешь взять с собой еще одного купца, надежного человека, который знает турецкий язык. Все, что нужно для дальней дороги, получишь в Посольском приказе. Ежели будут какие препоны, обращайся к Богдану. Буде твоя миссия удачной, получишь звание дворцового дьяка. А теперь – прощай...

Трифон не шел, а летел по дворцовым переходам. На сей раз его сопровождал лишь один рында, да и тот тащился где-то позади. Его мечта сбылась! Купец готов был пуститься в пляс прямо в палатах. Копье он, конечно же, привезет, лишь бы написанное в грамотке оказалось правдой, но это малость того, что предстоит сделать. Под видом посольства можно провезти через все границы столько разной всячины, столько товаров, не облагаемых пошлиной, что после этой поездки он станет одним из богатейших купцов Москвы. А если еще царь не обманул насчет дворцового дьяка...

Ух ты! Голова идет кругом! Кого из купцов взять? Свойяк не подходит... а жаль. Языкам не обучен, будет обузой, а не помощником. Юрий Грек... Да, именно так! Поставлю ему условие: женишься на дочери – едем вместе. Куда он денется. Грек свою удачу никогда не упустит. Да и любы они друг другу, сразу видно...

Маленький черный человечек, который подслушивал разговор царя с купцом, мысленно повторил все то, что услышал. Хозяин щедр, но платит только за действительно ценные сведения; он хоть и фрязин*, а не дурак. Человечек, по виду карла, осторожно выбрался из узкой отдушины, в которую мог залезть разве что ребенок и которая вела в царскую опочивальню, и тенью растворился в мрачных коридорах Кремля.

Глава 2

Иезуиты

Кoadьютор* ордена иезуитов Джованни Паоло Кампани с тоской смотрел через слюдяное оконце на заснеженную январскую улицу Москвы. Зачем он только согласился примкнуть к миссии в Московию Антонио Поссевино*, который был секретарем генерального настоятеля Ордена Эбергарда Меркуриана?! В Италии скоро зацветут сады, а Москва лежит в сугробах, и мороз такой, что даже меха не спасают. У коадьютора с детства была стылая кровь, он мерз даже в теплые итальянские зимы, а в этой варварской стране настоящего жаркого лета ему еще не доводилось видеть.

Кампани вернулся к горячей муравленой печке и приник к ней всем телом, чтобы накопить внутри себя побольше тепла и снова сесть за письменный стол. Антонио Поссевино обещал вернуться в Москву не раньше, чем в середине февраля, и к этому времени коадьютор обязан предоставить ему свои записки, в которых должны быть изложены известные ему сведения о Московии, добываемые им самим и его агентами. Так потребовал генерал ордена иезуитов Клавдий Аквавива. Оставалось только подчиниться, – с генералом шутки плохи, хотя Паоло и не испытывал большой тяги к работе писца. Его главным коньком было действие – сложная интрига, проникновение в стан врага, удар кинжалом темной ночью или кубок отравленного вина, выпитый врагом церкви за пиршественным столом.

Повздыхав немного и поплакавшись самому себе на житейские обстоятельства, забросившие его столь далеко от родины, он налил в кубок подогретого вина и взялся за гусиное перо:

«Жителям этой страны под угрозой смерти нельзя покидать пределы Московии без разрешения великого князя, а пришельцы, если они проникли сюда без княжеского разрешения, оказываются как бы в вечном рабстве. Ни послам, ни купцам других народов, которые прибыли в Московию с его разрешения, не дозволяется свободный проезд по всей стране, и пока они находятся в Московии, они содержатся как бы под почетным арестом. Назначаются особые люди, которые следят за тем, что они делают и с кем разговаривают.

И я, и наши братья во Христе, схоластики Микель Морено и Стефан Дреноуцкий, не имеем возможности шага ступить из дома, даже чтобы напоить лошадь. Сами москвиты приносят воду, сами приводят ремесленников, в услугах которых возникает надобность, сами ночью зажигают огонь в сосуде с водой и запирают на задвижки двери спален.

Вообще, это неприветливая страна, во многих местах она не имеет жителей и земля там не обработана. К тому же вокруг простираются огромные пустыни и леса, нетронутые временем, со вздымающимися ввысь деревьями. Для путешественников она особенно неприветлива. На таком огромном пространстве земель иногда нельзя найти ничего похожего на постоянный двор: где застала ночь, там и приходится ночевать, на голом, неподготовленном месте. У кого какая пища есть, тот, по-видимому, и возит ее с собой. Города встречаются редко, и жителей в них немного, построены они из дерева. Самый знаменитый из них Москва, или Московия, местопребывание царей; она дала имя всей стране и всему народу. От Рима находится приблизительно на расстоянии в тысячу лье*.

Большая часть страны занята болотами, много рек пересекают ее, поэтому она более доступна для проезда зимой, чем летом, так как зимой вода скована морозами и по ней можно проехать даже в повозке. Хотя на реках по большей части и сделаны деревянные мосты (которые обычно сооружаются по случаю приезда послов), однако сработаны они из грубого неотесанного материала и на них часто ломаются повозки, а путешественников это невероятно утомляет и обессиливает. Из всех рек самая большая и знаменитая – Волга, как они

сами ее называют, а некоторые считают, что древние ее называли Ра. Она пересекает всю Московию многочисленными изгибами, течет на восток через татарские царства (Казанское и Астраханское) и 72 устьями впадает в Каспийское море. По этой реке из Персии привозят одежду, затканную золотом и серебром, и дорогие ткани, которые любят москвиты.

Земля тут плодородна, изобилует скотом, хлебом, медом. В большом почете у них соболиные меха, которые из отдаленных областей Московии вывозятся за огромную цену к нам для отделки одежды знатных людей. Винограда они не сажают, а вино встречается редко и привозится из-за границы. Пьют они пиво, приготовленное из размоченных зерен, и мед (это смесь меда и воды), а из них затем готовят водку, или горилку (*aquam ardentem*), как они ее называют, нагревают на огне и, по своему обыкновению, пьют всегда на пирах, чтобы уничтожить вздутие живота, которое вызывает местная пища и напитки. Пьянство среди простого народа карается самым суровым образом, законом запрещено продавать водку публично в харчевнях, что некоторым образом могло бы распространить пьянство.

Пища у них скудна, проста в приготовлении и постоянно одна и та же. Поэтому их пиры не знают тонких изысканных разнообразных блюд, не дающих насыщения. У москвитов крепкие желудки, они любят грубую пищу и поэтому едят полусырое мясо. В особенном почете у них за столом лук и капуста. Хлеб они обычно готовят из двух сортов пшеницы и он удивительной белизны. Общественных мельниц у них нет; жители, как городские, так и сельские мелют зерно дома и дома готовят хлеб. Его пекут в тех же печах, которыми обогревают помещение.

Дома деревянные, но даже богатые палаты не отличаются изяществом отделки. Голые стены черны от дыма и сажи: ведь у москвитов и литовцев печи, в отличие от наших, не имеют труб, через которые огонь и дым безопасно удаляются через крышу; у них он выходит через раскрытые окна и двери. Поэтому, когда затопливают печь, в помещении набирается столько дыма (а они топят сырыми или влажными дровами), что там никаким образом невозможно находиться. В их обиходе совсем нет ни врачей, ни аптекарей. Один только великий князь имеет при себе двух врачей, одного – итальянца, другого – голландца.

О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех. Эту свою спесь они выражают в том, что носят богатую одежду, сверкающую золотом и серебром, и меняют ее часто по нескольку раз в день, чтобы показать из тщеславия свое богатство.

По отношению к своему государю угождение и почтение удивительны. Создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он все знает, все может, все в его власти. У них часто употребляется выражение: «Бог и великий государь все ведают». Когда желают кому-нибудь добра или что-нибудь настойчиво доказывают, говорят так: «Да будет счастлив наш великий государь!» Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны или показывают что-нибудь новое, они говорят: «Великий государь все это ведает и имеет гораздо больше этого».

Ради своего царя они не отказываются ни от какой опасности и по его приказу быстро отправляются туда, откуда, они знают, никогда уже более не вернуться. Они заявляют, что все является собственностью их государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости великого князя. Те же, кого здесь называют князьями, находятся в совершенном рабстве; большое число их царь содержит как при себе, так и в войске. И только для того, чтобы исполнить волю государя, они обычно выполняют самые незначительные поручения.

Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость их царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками, как рабов. Простершись на земле, они не поднимаются до тех пор, пока наблюдающее лицо не положит конец наказанию. Они настолько привязаны к князю,

что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза; напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие князя, пространно хваля его.

Столь большого влияния на народ государи добиваются более всего показным благочестием. Нынешний правитель Московии, Иоанн Васильевич, говорят, еще ночью поднимается, чтобы идти к заутрене, ежедневно бывает на дневном и вечернем богослужениях.

Говорят, что когда его спросили об этом, он ответил: «Разве мы беспорочнее Давида? Почему же нам не вставать по ночам к заутрене для покаяния перед Господом, не орошать слезами наше ложе, не смешивать хлеб с пеплом, питье со слезами?» Кроме того, ежедневно он кормит около 200 бедняков, которым каждое утро дает по деньге (это четверть динария), а к вечеру дает по два ковши пива. Все это настолько застилает глаза народу, что он либо совсем не видит пороков своих правителей, либо прощает их и истолковывает в лучшую сторону.

За женщинами у них самый строгий надзор. Знатным замужним женщинам очень редко, восемь или десять раз в году, в самые большие праздники, разрешается ходить в церковь; в эти дни к ним присоединяются и девицы, в остальное время на народе они не показываются.

Летоисчисление московиты ведут от самого Сотворения мира. Нынешний год, от Рождества Христова 1582-й, они считают 7091-м от Сотворения мира. Начало года у них 1 сентября. Этот день они отмечают всеобщим весельем и всяческими развлечениями. На площади воздвигается помост, на который поднимаются митрополит и великий князь и возвещают оттуда об окончании года. Митрополит, по обычаю, святит воду, и этой водой кропит князя и стоящий вокруг народ, осеняя крестом как самого князя, так и его сыновей, молится об их долгой и счастливой жизни, а народ в это время громко кричит: «Великому государю нашему и детям его многая лета!» При этом все радостно поздравляют друг друга, желая каждому долгой жизни.

К латинской церкви московиты относятся с гораздо большей неприязнью, чем к греческой. Среди них не услышишь поношения Бога или святых, однако слова «латинская вера» у них самое сильное проклятие для врагов. Вероятно, это и многое другое московиты вначале получили от греков, а затем пренебрежение и невежество в церковных делах, как это бывает, принесли еще больше ошибок.

В Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У московитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. Молитву Господню знают очень немногие, а Символ веры, десять заповедей и песнь Богородице знают чрезвычайно редко. Между тем понятие о христианской религии каждый получает только дома, где с младенчества впитывает его с молоком матери. Новый и Старый Завет почитают с самым религиозным чувством до такой степени, что не позволяют себе коснуться его, не осенив себя перед этим крестом. Они ошибочно считают, что было четыре Вселенских собора, по числу Евангелий.

У них есть много греческих и латинских сочинений отцов церкви в переводе на русский язык: сочинения Папы Григория, причисленного к святым, Василия, Хризостома, Дамаскина и других. Среди чудотворцев они больше всего чтут Николая Мирликийского, икона которого в городе Можайске, говорят, совершила множество чудес. Кроме тех чудотворцев, которых почитает латинская церковь, московиты имеют мучеников, епископов и монахов всякого возраста, которые, как они хвастаются, вознеслись на небеса; тела же их в неприкосновенности оберегаются с величайшим благоговением.

Святых они почитают тех же, что и мы, ежегодными праздниками, но в другие дни. В мае месяце два дня поминают умерших, этот праздник называется «поминание душ». На могилах зажигают множество свечей и факелов, затем священник с ладаном и молит-

вой обходит могилы и разбрасывает кутью (которую готовят из меда, пшеничной муки и воды); часть ее отведывает священник и остальные присутствующие. Родственники умерших на могилы кладут хлеб и различные кушанья, половину которых берет себе священник, а остальную часть раздают слугам и беднякам. Более состоятельные для бедняков и, конечно, для священников устраивают пир.

В праздничные дни москвиты не освобождаются от занятий и телесного труда, они считают, что в эти дни запрещается не труд, а греховные поступки. По крайней мере, по их словам, почитание праздничных дней пошло от иностранных обычаев и восходит к иудеям, а их обряды у них запрещены. Прекращение работы подобает богатым и духовным лицам; бедные же, так как они живут одним днем, не могут прекратить работу. Таким образом, всегда, будь это день Пасхи или Рождества, они трудятся. Исключение составляет только день Благовещения, который они очень чтут и считают священным.

Уважение к иконам у них чрезвычайно велико; им они жертвуют из чувства благочестия или по обету золотые монеты, кресты, свечи и другие небольшие дары. Но особое уважение воздается кресту Господа нашего Христа. Куда ни помотришь, везде – на перекрестках дорог, над дверями и крышами храмов – видны многочисленные его изображения. Увидев их издали, они, склонив голову, крестятся (так принято у москвитов; колен же в таких случаях они не преклоняют), если же оказываются поблизости от него, из почтения сходят с коней. И более всего характеризует благочестие народа то, что, начиная всякое дело, они осеняют себя крестом.

Обычая обмениваться поцелуями у них вообще нет. Лики святых они пишут с исключительной скромностью и строгостью, гнушаясь тех икон, которые лишены славянской надписи, и тех, на которых есть непристойное изображение обнаженных частей тела. А ведь это может служить известным упреком нашим живописцам, которые, чтобы показать свое искусство, на картинах до предела обнажают грудь, ноги и прочие части тела, и скорее пишут легкомысленные, чем святые картины.

По всей Московии насчитывается огромное количество монастырей, так что в двух городах – Москве и Новгороде, можно насчитать 144 монашеские общины. Одну из них, расположенную на берегу Днепра, мы посетили.

К храму ведут ступени, в помещении при входе располагаются кухни и трапезная, тесно заставленная низкими столами, за которые садятся только с одной стороны. К обширному двору примыкают многочисленные кельи, находящиеся друг от друга на определенном расстоянии, впрочем, закопченные и грязные. В них нет ни кровати, ни стола, ни стульев, только лишь скамья, прикрепленная к стене печи, ею они пользуются и как столом, и как кроватью.

В этих общинах большое количество монахов, в одном 100, в другом 200, в третьем 300. Говорят, в Троицком монастыре, в 20 лье* от Москвы, живут 350 монахов. Однако все они настолько погружены в дремучее невежество, что даже не знают, какого устава придерживаются. На вопрос, что они произносят во время молитвы, они ответили: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Эту молитву они произносят определенное число раз, перебирая четки, сделанные на манер нашего розария.

Что касается материального образа жизни, то он не отличается от образа жизни наших монахов. Одежда у них темного цвета, пища – самая скудная, состоит из соли, хлеба и рыбы, которую они сами и ловят. Равным образом им предписано и безбрачие. Многие из монахов, по обычаю, часто отправляются к соседним народам, чтобы проповедовать им Евангелие.

Храмы строятся в форме креста, как бы с двумя крыльями, выдающимися с обеих сторон, что мы наблюдаем в древних храмах. Их обычно называют «ковчегами». В середине храма стена отделяет духовенство от публики. Передняя часть этой стены имеет две двери; из них та, что называется «царской», открывается только во время богослужения, когда

выносят хлеб, приготовленный для освящения. В алтарь не разрешается входить никому, кроме духовных лиц. Там, вдали от мирских взглядов, совершается святое таинство. Все пространство между дверями покрыто иконами с изображением святых.

В храмах нет ни кафедр, ни органа. Однако у них есть мальчики, обученные пению, которые мелодичными голосами поют во время богослужения. Духовные лица все время стоят и, чередуясь друг с другом, читают молитвы. Входя в храм, москвиты колен не преклоняют, но опускают голову и плечи и часто крестятся. Святую воду хранят только в храме, однако дают ее как испытанное средство больным для питья...»

Над головой раздался подозрительный шорох, коадьютор вздрогнул, перо предательски вильнуло, и на бумаге образовалась большая клякса. Раздосадованный иезуит поднял голову и увидел, что сквозь едва заметную щель в потолке сыплется древесная труха. Там находился хорошо замаскированный люк, через который забирались на чердак.

Назначение этого люка поначалу было непонятно Кампани. Пока его не просветил на сей счет молодой слуга-новиций. Он оказался ловким и шустрым, как белка, и сумел раскрыть тайну прежнего хозяина дома, в котором поселили посольство Антония Поссевино. Оказалось, что на чердаке есть еще один люк. Он вел в деревянный колодец, по которому можно было спуститься в подземный ход. Длиною ход был около четверти лье и выводил к обрыву на берегу реки в малолюдном месте.

Осторожно порасспросив дьяка, который присматривал за посольством, коадьютор узнал, что прежде в этом доме жил царский лекарь Элизиус Бомелиус, или, как его назвал москвит, Елисейка Бомель. Лекаря считали колдуном и отравителем. В 1579 году великий князь за его тяжкие преступления и прегрешения велел поджарить Бомелиуса на вертеле «аки свинью», как выразился дьяк. При этом он дробно хихикал и его жиденьякая бороденка тряслась, будто была приклеена и ее дергали за веревочку.

Тайный ход оказался весьма кстати. Вскоре его начали использовать самые доверенные агенты Паоло Кампани, которые приходили к нему с отчетом. Похоже, и сейчас наверху кто-то был. Но иезуит не спешил реагировать на шум. Он ждал сигнала. И только когда наверху раздался условный стук, коадьютор нажал на малозаметный рычажок в углу комнаты, закрытый сундуком, люк отворился, и оттуда ловко спрыгнул на пол тайный агент иезуитов, крохотный мужичок, смахивающий на ребенка. Однако его лицо, совсем не похожее на ангельский детский лик, было физиономией похотливого карликового сатира, погрязшего во всех мыслимых и немыслимых пороках.

– Монсеньер... – Карла почтительно припал к руке Кампани.

– Брат, – снисходительно поправил его коадьютор и благословил.

Он никак не мог понять: карлик в общении с ним продолжает играть роль шута или говорит вполне серьезно? Карла был родом из Богемии, его кликали Арманка. Кoadьютор очень дорожил Арманкой, потому что тот вхож в царские палаты и благодаря своим физическим данным мог незаметно проникнуть куда угодно. И потом, даже если его поймают, то какой спрос с шута-дурака?

Недавно карлу крестили по православному обряду. На это ему пришлось получать соизволение коадьютора – «немчин» Арманка был не только тайным агентом ордена, но еще и индифферентом. Карла не знал, что во славу Иисуса иезуит может стать даже огнепоклонником или коллекционером черепов. Впрочем, противиться воле великого князя Арманка все равно не смог бы. Иначе ему, на потеху царю, грозила бы в лучшем случае схватка с медведем один на один – так называемое «медвежье поле», до которого Иоанн Васильевич был очень охоч; обычно таким образом он травил разных мелких злопыхателей. А в худшем – с карлы содрали бы с живого кожу и сварили в казане с маслом, чтобы потом бросить мясо страшным псам-людоедам.

Арманку выписали из-за границы, чтобы потешать молодую царицу Марию Нагую, но она оказалась робкого нрава и не очень охоча к разным увеселениям, за что царь не раз ее поколачивал. Тогда карлу определили в Потешную палату.

В присутствии царя и его приближенных в Потешной палате скоморохами и шутами производились разные «смехотворные хитрости». Они давали небольшие, сочиненные ими же, театральные пьесы и кукольные комедии, которые издавна были обычным народным увеселением в Москве. Комедианты ходили по улицам с подвижными театрами и представляли посредством кукол различные шутки. Для этого они закрывались кругом холстом, а над своими головами заставляли кукол выделять разные фарсы.

В Потешной палате хранились потешная рухлядь, костюмы, музыкальные инструменты: гусли и органы. При палате находились трубники*, нагарники*, набатники*, домрачеи*, плясуны, лицедеи, акробаты, дрессировщики зверей, а также известные бахари*: Клим Орефин, Петр Сапогов и Богдан Путята. Кроме них к Потешной палате были приписаны царские шуты, гусельники и скрипачи. Необходимую принадлежность Потешной палаты составляли органы, клавесины и цимбалы, и при них находились игроки Томила Михайлов Бесов, Мелентий Степанов и Андрей Андреев, скрипачи Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов и Онашка. Скоморохов свозили в Москву из разных мест, прежде всего из Новгородской земли.

– Ты должен был прийти завтра, – сказал Кампани.

– Мне показалось, что мои сведения не терпят отлагательства... – ответил шут, скромно опуская глаза.

Никто, кроме коадьютора, не знал, что немчин Арманка – грамотный, образованный человек, который знал несколько языков, в том числе и латынь, что уже говорило о многом. Его происхождение являлось тайной за семью печатями, об этом карла не открывался даже на исповеди – отнекивался, мол, ничего не знаю, ничего не помню, но Паоло Кампани подозревал о его высоком дворянском происхождении, судя по тем знаниям, которые хранила уродливая голова шута.

Кoadьютору были известны случаи, когда нобили* сплавляли своих детей-уродцев простолюдинам, чтобы не позорить родовое имя. Таким детям давали приличное образование, на их содержание выделялись деньги, а воспитатели уродца освобождались от всех налогов и повинностей.

– Брат, ты интригуешь меня... – Кампани почему-то заволновался. – Я слушаю.

Арманка передал ему содержания разговора царя с купцом Трифоном Коробейниковым почти слово в слово. Когда он закончил, коадьютор от огромного волнения вскочил и начал быстро ходить из угла в угол; так ему лучше думалось.

Копье! Уж не копьё ли это святого Лонгина-сотника?! Если это так и если это копьё попадет в руки русских варваров, то тогда мир погрузится в пучину хаоса. Нет, только не это! Копье должно принадлежать папскому престолу!

Кoadьютор, всегда отличавшийся стремительностью в действиях и логичностью рассуждений, практически мгновенно разработал план и принял решение.

– Прихвати с собой бутылку вина и полезай наверх, – приказал он карле. – Это чтобы тебе не замерзнуть. Посиди там, пока я напишу письмо...

Он опасался, что в его комнату в любой момент может зайти непрошенный гость – кто-нибудь из дьяков. Или начальник стрельцов, охранявших посольство. И если москвиты увидят карлу, то быть беде.

Кампани нашел нужный кусок пергамента (бумаге шифрованное письмо он опасался доверять), достал плотно закрытый каламарь*, наполненный особыми чернилами, и взялся за перо. Кoadьютор решил написать послание архиепископу виленскому и краковскому Юрию Радзивиллу, профессу ордена. Потомок древнего литовского рода отличался огром-

ной приверженностью вере; он неистово преследовал иноверцев и сжигал антикатолические труды. Кроме того, Юрий Радзивилл, как и сам Кампани, был человеком действия.

«Ясновельможный милостивый пан, ваше высокопреосвященство!...», – начал выводить коадьютор крупным разборчивым почерком; архиепископ, которому еще не исполнилось и тридцати лет, был слаб глазами и терпеть не мог неряшливости в письмах и людей, которые не дружили с каллиграфией. Конечно же, на пергаменте строилась рядами латынь, но человеку, несведущему в шифре, послание коадьютора показалось бы абракадаброй.

Кампани трудился над письмом битый час. Карла, несмотря на доброе вино, изрядно продрог (коадьютор даже слышал, как он стучит зубами), когда иезуит милостиво приказал ему вернуться в комнату, что шут и поспешил сделать. Он сразу же прилепился к печке и стоял с ней в обнимку, постанывая от удовольствия, несколько минут. Кампани не торопил его; уж ему-то хорошо известно такое состояние.

Наконец Арманка согрелся и подошел к столу, за которым сидел коадьютор. Паоло Кампани достал из шкатулки два мешочка (один, поменьше, с золотом; другой, побольше, с серебром) и сказал, передавая их агенту:

– Золото тебе. Достоин, заслужил...

Снисходительно подождя, пока в порыве благодарности ошастливленный столь большой суммой денег Арманка облобызает ему руку, коадьютор продолжил:

– А письмо и серебро снесешь нашему человеку из москвитов, ты знаешь его. Скажешь, чтобы он не медлил – дело срочное. Если ему не удастся перейти границу с купеческим обозом, пусть идет тайными тропами. Когда я получу доказательства, что письмо попало в руки того, кому предназначено, то дам вдвое больше. Адресат ему известен.

Самолюбивого карлу немного покорило, что коадьютор не назвал получателя письма, но он благоразумно промолчал. Пообтершись при дворе русского царя, он хорошо усвоил поговорку: «Большие знания – большие горести». И все ценные сведения держал, что называется, под спудом, не высказывая на людях ни малейшего интереса к государственным делам.

Запечатанный личным перстнем-печатью коадьютора пергамент свернули в тонкий рулончик и запихнули в рыбий пузырь, чтобы предохранить от влаги. Попрощавшись с Кампани, шут вылез на чердак, затем спустился в подземелье и спустя час уже находился на Торге в Китай-городе.

В Китай-городе насчитывалось свыше полусотни торговых рядов, называвшихся по предметам торговли: рыбный, ветошный, золотой, иконный, свечной, восковой, шапочный, кафтанный, медовый, ореховый и другие. Но карла держал курс на так называемый «вши-вый» ряд, где торговали подержанным платьем, загрязненным до крайней степени.

Торговля в рядах напоминала характерный облик шумного и суетливого восточного базара. Покупатели шли по узким проходам сплошной толпой. Приказчики, стоявшие у дверей лавок, истошными голосами зазывали покупателей, расхваливая товар. Робких провинциалов и нерешительных людей они буквально силой затаскивали в лавку и вынуждали что-нибудь купить – как правило, никуда негодный товар. Однако с шутком такой номер у них не проходил. Благодаря своему малому росту и необычайной юркости Арманка напоминал выюна. Он так ловко и быстро пронизывал толпу, что люди не успевали его заметить. Будь карла вором, он пользовался бы большим уважением среди товарищей по ремеслу.

Нужно сказать, что коадьютор иногда использовал Арманку в этом качестве. Но шут воровал лишь письма великого князя, которые Кампани копировал, а потом карла возвращал их на место. Чаще всего он проделывал такие штуки с царскими гонцами, которые весьма охочи до дармового угощения. У Арманки всегда была наготове бутылка доброго фряжского вина, а как можно отказать царскому шуту? Да и зачем... Пока гонец наслаждался тонким вкусом крепкого заморского вина, карла успевал обстричь дело.

«Вшивый» ряд не отличался обилием покупателей. Здесь в основном толпились старьевщики самого низкого пошиба. Это был крикливый и драчливый народ. Вот и сейчас в снегу возились двое; они тузили друг дружку, не жалея ни кулаков, ни бранных слов. Остальные, собравшись в круг, подзадоривали драчунов криками и скабрёзными шутками.

Брезгливо поморщившись, Арманка обошел зевак и наконец увидел того, кто ему нужен. Старьевщика звали Ванька Грязь. Он был рыжий, невысок ростом, коренаст и кривоног. Его измазанное сажей лицо было унылым и печальным. Наверное, по случаю святого праздника Ванька Грязь принарядился – напялил на свою круглую башку облезлый лисий треух и накинул на плечи относительно чистую, но рваную шубейку. Сквозь дыры проглядывала полотняная рубаха, которая некогда была белой.

Глядя на наряд старьевщика, шут ухмыльнулся и буркнул: «Хитрец...». Уж он-то знал, сколько денег перепало Ваньке от щедрот коадьютора. На них можно не только одеться, но и дом построить и начать торговать другим, более ценным товаром.

Однако Ванька Грязь играл свою роль давно и небезуспешно. Он действительно не любил мыться (за что и получил свое прозвище) в отличие от прочих москвитов, которые не мыслили жизнь без бани. Ванька Грязь считал, что вода смывает с человека святость. Ему бы в отшельники податься, но такова уж особенность человеческой натуры, сотканной из противоречий: при всей своей богобоязненности Ванька Грязь носил на себе клеймо предательства, которое всегда считалось одним из самых больших грехов.

Его завербовал один торговавший с Москвой купец-литвин, имевший отношение к ордену иезуитов. Поняв, что Ванька за деньги и мать родную в землю живой зароет, купец начал давать ему серьезные поручения, от которых за версту тянуло гнилым духом шпионажа. Ванька Грязь был не дурак, он, конечно, понимал, чем занимается и как его занятие может закончиться. Но жажда наживы и дух авантюризма пересилили все здравые соображения.

Удивительно, но никто из его приятелей-старьевщиков не знал, что Ванька умеет перевоплощаться. Иногда (когда того требовало задание иезуитов) он переодевался в чистое, и тогда его нельзя было отличить от купца суконной сотни. Тем более что язык у Ваньки подвешен как нужно. Он мог заболтать кого угодно.

Проходя мимо Ванькиной лавочки, Арманка поймал его тусклый взгляд и приказал глазами: «Следуй за мной». Ванька Грязь торопливо собрал свое барахло в мешки, оставил под присмотром соседа-торговца и поспешил вслед за шутом. Вскоре они оказались на задворках Торга.

– Есть срочное дело, – коротко и строго сказал Арманка.

– О-о, нет... – простонал Ванька, хватаясь за голову. – Вчерась маненького того... голова гудит, как колокол. Пока не опохмелюсь, никаких разговоров, никаких дел. Пойдем, тут недалеко, знаю одно место... Дадут и выпить, и поесть.

Шут тяжело вздохнул и согласился. Он знал, что на похмелье Ванька – никакой. Все, что у него в одно ухо влетало – в другое вылетало. Иногда он не мог даже вспомнить, с кем разговаривал и о чем шел разговор. Но на любом подпитии и в любом состоянии после Ванька Грязь относительно своих тайных дел держал язык на замке. Арманка был уверен, что Ванька не расскажет ничего даже под пыткой, тем более что старьевщик был малочувствителен к боли.

Тайная корчма, куда Ванька Грязь привел Арманку, располагалась неподалеку от Колымажного двора среди узких безымянных улиц, заканчивавшихся тупиками, грязных кривоколенных переулков, задавленных, как висельники, удавками высоких заборов и плетней, и помоек, на которых из-за костей грызлись бездомные псы.

Шут, привыкший к чистоте и ухоженности царских палат, ругал себя на все заставки – как он мог поддаться на уговоры Ваньки! – и морщил нос, потому что миазмы от помоек

совсем не похожи на запахи ароматических французских вод, которые ему привозили на заказ английские купцы.

В корчме царил полумрак, и Арманка немного успокоился; шут меньше всего хотел, чтобы кто-нибудь из знакомых узнал его и увидел, с кем он встречается. Но народу, собравшемуся в корчме, не было никакого дела до вновь прибывших, потому что подоспел обеденный час и все налегали на горячее хлебное, чего не водилось в царевых кабаках.

В 1552 году по велению Иоанна Васильевича для его опричников построили первый «Царев кабак». Место избрали на Балчуге за Живым мостом. Водка (хлебное вино) в этом кабаке не продавалась, опричники пили в нем бесплатно. Хлебным вином в кабаке начали торговать за деньги только после уничтожения опричнины. Вскоре после этого царские кабаки начали появляться и в других городах России, а в Москве они вырастали, как грибы в дождливое лето – почти каждую неделю новый. Но купить в кабаке закуску или приносить еду с собой строго запрещалось. Водку продавали ведрами, ковшами, кружками и только в государевых кабаках.

Понятное дело, народу такое положение вещей не нравилось. Но челобитные царю с просьбой убрать кабаки и нежелание москвичей пить «государево вино» возымели прямо противоположное действие. Жителей города повязали круговой порукой; теперь, если кабак давал недостаточный доход, недоимки взыскивались не с кабацкого головы или целовальника, а с москвичей. Правеж (наказание за недоимки) был суровым – провинившихся ставили строем и били батогами по икрам в течение нескольких часов. Естественно, чарка хлебного вина, даже без привычной русским людям закуски, казалась меньшим злом, нежели батоги, поэтому москвичи повалили в кабак гурьбой.

И все же народ не смирился. Предприимчивые людишки стали заводить тайные корчмы, где имелаась и добрая еда, и водка подешевле, чем в царских кабаках. Мало того, и выбор спиртного в корчме был более разнообразным.

Водка в корчме была разных сортов: обыкновенная водка носила название «простого вина», сорт лучше этого назывался «вином добрым», еще качественней – «вином боярским», наконец, высший сорт назывался «двойным вином»; он было чрезвычайно крепким. Кроме этих водок делалась водка сладкая, насыщенная патокой, – она предназначалась для женского пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнейших пряностях и разных душистых травах: на корице, мяте, горчице, зверобое, с амброй, на селитре, с померанцевой и лимонной корками, с можжевельником и делали наливки на разных ягодах.

Но корчмы тоже были разными. Одни посещались людьми более состоятельными, ремесленниками и торговцами, а другие – разной рванью. В такую корчму и привел Ванька Грязь царского шута. Арманка даже подозревал, что сделал это хитрый прощелыга не без умысла – чтобы подразнить свое непосредственное «начальство» и немного сбить с шута спесь; с некоторых пор Ванька получал приказы только от немчина.

Арманка едва не задохнулся от вони, которая стояла в корчме. Запахи лука, чеснока, протухшего мяса, прокисших щей, человеческого пота, сивухи, ремней конской упряжи шибанули ему в ноздри, а затем и в голову почище самого крепкого хлебного вина. Поэтому, чтобы побыстрее привыкнуть к обстановке и продышаться, он заказал себе кружку сладкой водки и выпил ее, как пьют москвиты, – одним духом, не отрываясь.

Что касается Ваньки, то для начала он попросил принести ему миску специального «похмельного» блюда – порезанную на небольшие тонкие ломтики жареную баранину, смешанную с мелко шинкованными солеными огурцами и красным перцем и приправленную смесью уксуса и огуречного рассола, которую он и выхлебал большой деревянной ложкой, прежде чем выпить «боярского» вина.

Насытившись и опорожнив вместительную чашу с вином, Ванька Грязь значительно повеселел, а в его немного раскосых черных глазах появился живой гибкий ум и задорный

блеск. Перед Арманкой ему не нужно корчить из себя недалекого старьевщика, озабоченного лишь тем, как ему выжить.

– Фрязин Павел прислал? – спросил Ванька, ухмыляясь.

Шут оторопел – откуда?! Откуда этому нахальному москвиту известно, что приказы идут от Паоло Кампани, или Павла Фрязина, как кликали коадьютора москвиты?!

– Не заморачивайся, – предупредил вопрос, готовый сорваться с губ шута, старьевщик. – Мы, ить, тоже не пальцем деланы и щи не лаптем хлебаем. Я много чего знаю, такова у меня работа. Ладно, не делай зверскую рожу и не тараци на меня свои буркалы, говори о деле. Нам тут нельзя долго рассиживаться.

Арманка судорожно сглотнул и подумал: «Опасный тип... Много знает... это нехорошо. Нужно доложить коадьютору. Но он ведь все равно не откажется от услуг этого проходимца... Сдать бы Ваньку заплочных дел мастерам, чтобы поучили уму-разуму. Ан, нет, невозможно. Догадается, кто его сдал, и в отместку выложит палачам все как на духу. Бр-р!» Шут невольно вздрогнул. Арманке приходилось видеть, как пытаются людей в подземельях Кремля, и ему совсем не хотелось очутиться там в качестве истязуемого.

– Вот деньги и письмо... – Шут незаметно передал Ваньке и то, и другое.

Старьевщик взвесил мешочек в руках, быстро распустил завязки, нащупал серебряный кругляшек, и его сердце запело – серебро! Много серебра! А когда Арманка объяснил ему суть задания и сколько он за это получит, Ванька Грязь мысленно поклялся, что за столь щедрую плату он пойдет хоть на край света, а если будет нужно, то спустится даже в ад.

Глава 3

Пан Юлиуш Ганович

Глеб Тихомиров, кандидат исторических наук, а по совместительству «черный» археолог (впрочем, неизвестно, что называть совместительством; скорее его научные изыскания) валялся на диване в своем кабинете и бездумно пялился куда-то в пространство. Мысли, конечно, шевелились в голове, но все какие-то мелкие и приземленные: «Пора ремонт делать... Вон, даже потолок в пятнах. Это когда же я котлетами швырялся? Но запустишь в дом бригаду маляров, сам не будешь рад. Проходили эту науку, знаем. После них потом полгода дом драили...».

В этом году он рано вернулся с «поля». Так у «черных» археологов-кладоискателей назывались незаконные раскопки. «Улов» оказался неплохим: полрюкзак мелких бронзовых и медных вещей XVII–XVIII веков, серебряная и оловянная посуда, немного керамики, целый кошелек монет эпохи Николая I – в основном медь и немного серебра, почти все приличной сохранности, серебряный портсигар девятнадцатого века с рубиновой монограммой на крышке и шкатулка необыкновенной красоты. На глаз Глеб определил, что скорее всего это работа знаменитого мастера Позье*, и порадовался – такая коробушка стоила немалых денег.

На этот раз Глеб не стал ездить далеко от города. В архивах он нашел упоминание о графской усадьбе, которую крестьяне умудрились сжечь еще до большевистской революции. Наверное, больно много граф залил сала им за шкуру, что они взялись за вилы и пустили ему «красного» петуха.

Судя по документам, и дом, и службы сгорели дотла – тушить-то было некому. Отчаявшихся от голодной жизни крестьян частично порубали казачки, кое-кто сбежал, – матушка-Русь велика, а кого с семьями пустили по этапу обживать Сибирь. Сколько их дошло до нового места жительства, в бумагах не указали. Что касается усадьбы, то ее так и не восстановили. Возможно, потому, что она стала могилой графа и его приказчиков, измывавшихся над людьми.

Координаты оказались точными. На месте усадьбы Глеб нашел лишь холмики, а вокруг были заболоченная низменность, лес и до ближайшей деревни, в которой жили в основном старики, километров десять. До пожара графская усадьба стояла в центре большой деревни, но с течением времени жизнь в ней прекратилась, дома разрушились, поля заросли лесом, часть их заболотилась, дорог не стало и в помине, и чтобы добраться до раскопок на своем вездеходе, Глебу пришлось немало поработать топором. И все равно: эти раскопки были мечтой любого кладоискателя: тишина, спокойствие, никто не мешает и никто не зарится на застолбленный участок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.